

СМЕНА

№ 20 ОКТЯБРЬ 1980

**МИР
ОБЫЧНЫХ
ЧУДЕС**

ДАЕШЬ ДНЕПРОГЭС!
ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!

В БОЕВОМ СТРОЮ.

**...СПАСИБО ТЕБЕ,
СЛАВНОЕ ЗНАМЯ
НАШЕЙ
БОЕВОЙ ЮНОСТИ!
СПАСИБО ТЕБЕ,
ВЕЧНО БУРЛЯЩИЙ
РЕВОЛЮЦИОННЫМ
ЭНТУЗИАЗМОМ,
ЗАДОРНОМ НОВАТОРСТВА,
БЕЗЗАВЕТНОЙ
ЭНЕРГИЕЙ ЮНОСТИ
СОЮЗ МОЛОДЫХ
ЛЕНИНЦЕВ!**

Л. И. Брежнев

И вот снова пришел он, наш прекрасный комсомольский праздник.— день рождения ВЛКСМ!

Ни время, ни большие, ответственные дела, которые несет наш союз на своих плечах, не старят его и не делают слабее. За шестьдесят два года, прошедших со дня его рождения, Ленинский комсомол не знал ни одного легкого, безмятежно-безоблачного десятилетия. И всегда комсомольцы вместе со своими старшими товарищами-коммунистами были первыми, кто шагнул за порог неведомого и, часто казалось, невозможного.

Не по мановению волшебной палочки приходили к нам наши победы, не маги и фаиры помогли нам выстоять и победить. Ленинская партия, ее напряженнейший труд поднимали и воодушевляли комсомол, вдохнув в сердца и умы миллионов молодых идей, которые невозможно победить. И всякий раз, поднимаясь в гору и прокладывая свои тропы, он шел по этому маршруту под священным Красным знаменем, полученным из рук Революции.

Красное знамя Ленинского комсомола... На нем начертано имя великого Ленина. Ибо всегда и во всем комсомол ощущает себя в одном строю с Лениным, сверяя все свои деяния с его заветами.

На полотнище знамени — интернациональный лозунг нашей партии: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — ибо патриотизм и интернационализм слились воедино в убеждениях коммунистов и комсомольцев.

На нем шесть орденов Советского Союза — знак высокого признания заслуг комсомола перед партией, перед страной. Как и знамя нашего государства, нашей партии, — комсомольское знамя красное!

Издревле красный цвет любим народом. Он — знак храбрости, неустранимости, доблести и мужества. Ведь он вобрал в себя отблеск пролетарских сражений, кровь, пролитую в жестоких классовых битвах борцами за новый мир.

1871 год. Парижская коммуна. Это они, бесстрашные коммунары, утвердили красное знамя как символ революции.

Через пять лет и российский рабочий класс впервые взметнул красное знамя: в Петербурге во время митинга у Казанского собора рабочие и студенты подняли на руках мастерового Якова Потапова, и он — первый пролетарский знаменосец, провозвестник знаменосцев Октября — развернул алое полотнище в сером, мрачном небе империи.

Броненосец «Потемкин» поднял над кормой красное знамя и с того момента стал первым революционным кораблем России. Гордо реяло алое полотнище над баррикадами Пресни и, наконец, вознеслось над революционным Смольным...

Почему так притягивает оно нас, это красное знамя? Почему мы смотрим на него, всегда волнуясь и радуясь? Потому

что великий нравственный смысл заключен в его красном цвете и в тех символах, которые изображены на его полотнище. Продиктованы они взлетом человеческого духа тех, кто шел под этим знаменем и продолжает идти сегодня. Оно — словно живой родник, который не скудеет от времени.

Мы идем на ликующий праздник — знамя с нами. Знамя — впереди нас.

Мы поглощены неумолчным ритмом трудовых будней — знамя зримо присутствует в цехе, на стройплощадке, на полевом стане, в кабине космического корабля. Оно окрыляет нас, вселяя энтузиазм и веру в успех.

У развернутого знамени мы принимаем в комсомольскую семью юношей и девушек, которых считаем достойными стать в ряды борцов за дело Ленина. А это значит — считаем их достойными стать под священное знамя революции, пронесенное отцами и старшими братьями по полям боевых и трудовых сражений. С этого дня и им, только что получившим комсомольский билет, вместе с нами нести наше знамя дальше, к полной победе коммунизма!

Делегаты всех последних комсомольских форумов, входя в Кремлевский Дворец съездов, оказывались под сенью алых полотнищ Ленинского комсомола. Эти знамена — его Память, его Клятву, его Прошлое и Настоящее.

Они стоят вдоль стен фойе Кремлевского Дворца съездов, словно в почетном карауле, чуть наклонив тяжелые полотнища, будто это солдаты-ветераны склонили свои седые головы. Сколько битв позади! На разных фронтах — и военных и трудовых — они вели за собой защитников и строителей нового общества. Под этими знаменами прошло не одно поколение советских людей. Случалось, падал знаменосец, сраженный пулей, и тогда другие сильные руки подхватывали древко и несли знамя дальше, вперед, по пути, которому нет конца.

Если взглянуть в эти алые полотнища глазами памяти, то увидятся стачки 1905 года и бои семнадцатого, неумный задор первостроителей Комсомольска-на-Амуре и Днепрогэса, подвиг героев-сталинградцев и солдат, штурмовавших в апреле 1945-го последний оплот фашизма — рейхстаг.

Увидятся преисполненные решимости лица покорителей целины. Самоотверженность строителей Братска и «Атоммаша». Кипучая энергия молодых первооткрывателей нефтяных и газовых артерий Западной Сибири. Дерзкие планы и богатырская сила комсомольцев, преобразующих сегодня российское Нечерноземье и прокладывающих через тайгу, горы и вечную мерзлоту стальные рельсы БАМа.

Вот почему все, кому выпало счастье быть в дни комсомольских съездов в Кремлевском Дворце, прежде всего

Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

Баллада о комсомольск

ДОРОГОЙ ОТЦОВ.

ЗНАМЯ ВЛКСМ—
В РУКАХ ПЕРВОГО
КОСМОНАВТА ПЛАНЕТЫ.

устраивают свои взоры к этим историческим знаменам. К их высокому, вечному и негасимому свету.

Выберем же и мы из этого торжественного ряда несколько алых полотнищ, чтобы на их истории и судьбе ярче представился нам сегодня наш праздник — день рождения Ленинского комсомола.

В грозном семнадцатом началась биография неброского знамени, которое по праву можно назвать одним из первых комсомольских знамен. Принадлежало оно юношеской организации рабочих-учеников завода Розенкранца (ныне завод «Красный выборжец») в Петрограде.

Февраль 1917 года. Все ярче разгоралась в стране пламя революционной борьбы. Только что рухнул царский трон. Наступили тревожные дни и недели. Царя нет, но война продолжается; на Россию надвигаются разруха, голод. Что делать? Об этом говорили, думали, спорили рабочие, крестьяне, солдаты.

3 апреля в Россию из эмиграции вернулся Владимир Ильич Ленин. Провозглашенный им лозунг «Да здравствует социалистическая революция!» с необыкновенной силой всколыхнул трудящиеся массы. Его подхватила и рабочая молодежь. В воздухе носился ветер революции. Юноши и девушки Петрограда были преисполнены желания идти за большевиками, бросившими вызов капиталистическому миру. Но для того, чтобы идти в ногу, надо идти сплоченной массой, надо объединиться.

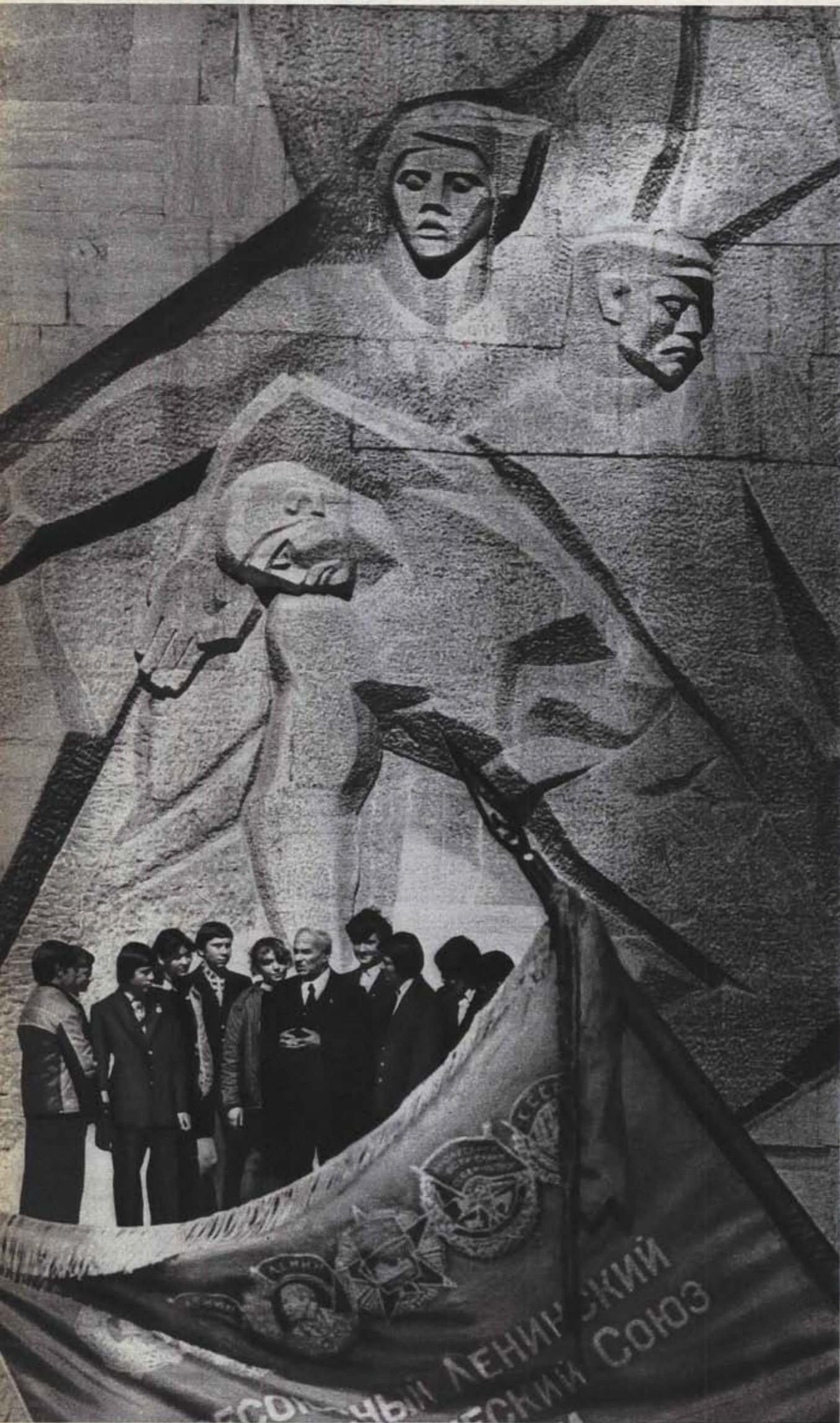
Первыми в Выборгском районе создали ячейку подростки-ученики завода Розенкранца. Секретарем избрали Мишу Орлова.

Для собраний облюбовали одно укромное местечко на заводе, там и собирались, читали запрещенные книги, большевистские прокламации, мечтали о предстоящих схватках. Они, 14—15-летние подростки, готовились стать настоящими революционерами и были самозабвенно преданы идее мировой революции.

Приближался Первомай семнадцатого года. Впервые в России рабочие могли свободно и открыто отметить международный праздник трудящихся. К этому дню весь Петроград готовился заблаговременно. Принять участие в первомайских торжествах решили и мальчишки с завода Розенкранца. Тем более, кто-то из них прослышал, что на демонстрацию вместе с выборжцами обещали пойти Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Увидеть Ленина, вместе с ним идти в одной колонне на праздник — это ли не счастье! Они обязательно выйдут на демонстрацию, и выйдут под своим красным знаменем!

Обратились в завком: «Сделайте для нас знамя!» Завком, состоявший в основном из большевиков, просьбу ребят решил удовлетворить. Долго обсуждали, что же написать на знамени. Было много предложений, споров, наконец единогласно решили написать по верху: «Долой эксплуататоров!». Тут все было ясно — труд подростков на капиталистическом предприятии был поистине каторжным. Но требовалась еще другая

ОМ ЗНАМЕНИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ ПАРТИИ И КОМСОМОЛА КРАСНОЙ ПРЕСНИ А. Н. ГРАММ РАССКАЗЫВАЕТ ШКОЛЬНИКАМ О КРАСНЫХ ЗНАМЕНАХ НА БАРРИКАДАХ 1905 ГОДА.

надпись, которая бы говорила, за что они стоят. Наконец, родилась строчка: «Да здравствует социализм!» Под ней сделали подпись: «Мальчики завода Розенкранца».

Что побудило их, в большинстве своем неграмотных юнцов, загореться этой идеей — выйти на первомайскую демонстрацию под своим знаменем? Вряд ли кто-нибудь из них знал слова Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар». Скорее всего они не слышали даже такого имени — Архимед. Но у них были и своя точка опоры и свой рычаг. Точка опоры — их отцы-большевики, беспредельно преданные идеям Ленина. Рычаг — революционный дух старших, их гражданский и политический долг. Они, 14—15-летние подростки, не боялись ответственности, готовы были пылко, бесстрашно, самоотверженно утверждать идеалы, бороться за их воплощение. Но для этого им нужен был символ. И они нашли его — им стало Красное знамя. Знамя, родившееся в огне революции.

Утром 1 мая, принаряженные и торжественные, собрались ребята у конторы завода. Председатель завкома Борис Синайский вынес знамя и вручил его Мише Орлову. Знамя всем очень понравилось. Оно действительно получилось красивым: края его были обшиты серебряным галуном, надписи вышиты золотыми нитками. Стали спорить, кто понесет знамя: каждый мечтал, что именно он будет знаменосцем. Решили нести по очереди, чтобы никому не было обидно. Когда заводская колонна построилась, чтобы начать движение, ребята встали впереди нее и высоко подняли знамя — так, чтобы оно было видно всем. Шли медленно, потому что по дороге к колонне присоединялись все новые и новые демонстранты. Уличные мальчишки, завидев своих сверстников с алым полотнищем, тоже вливались в их ряды. Когда подходили к Литейному мосту, юношеская колонна выросла с 40 человек до 80—90.

По мере приближения к Марсову полю стали чаще передавать друг другу знамя. Тот, кто сменялся, шел и придирчиво смотрел на нового знаменосца: хорошо ли, уверенно ли держит тот знамя. Но придаться было не к чему: каждый из знаменосцев крепко сжимал древко и старался поднять его как можно выше.

Так они и вступили первыми из заводчан на Марсово поле. Над их колонной огненной птицей реяло алое полотнище.

Первомай уже во всю царил на Марсовом поле. Собралось необычайное количество народа.

С одной из импровизированных трибун выступил В. И. Ленин. Он состоял на партийном учете в Выборгском районе и, как обещал, пришел вместе с выборжцами на Марсово поле. Речь его была посвящена значению праздника 1 Мая и задачам русской революции.

Потом все двинулись к центру Марсова поля, чтобы отдать дань памяти жертвам Февральской революции. Подростки прошли мимо еще свежей могилы, склонив свое красное знамя.

Алексей Максимович Горький напишет потом об этой демонстрации:

«Вереницами идут дети — маленькие, бедно одетые, серые фигурки кажутся еще меньше и бедней под ярким знаменем свободы. Но дети — самое значительное явление дня. Это завтрашние хозяева жизни и творцы ее. Забавно слышать, когда они поют: «Мы жертвою пали в борьбе роковой», но когда из детских уст льются слова: «Отречемся от старого мира», — эта детская клятва волнует до слез. Да, они, наверно, найдут в себе силы отречься от старого мира, очистить души свои от его ядовитых влияний. Будем верить, что они иначе почувствуют жизнь, выше оценят человека».

Многие подростки тогда впервые поняли, что значит стоять плечом к плечу со своими старшими товарищами-большевиками. Молодежь начала яснее представлять себе, как важна организация в подготовке к решающим революционным схваткам.

И они — юные рабочие, солдаты, пахари — вступали в революцию. Их было много. Впереди у них была великая, необычайная, невиданная до тех времен работа.

Будущее на всех парусах летело им навстречу. И они шли навстречу этому будущему. Шли под Красным знаменем.

...То был героический путь. Окончилась гражданская война. Страна постепенно возрождалась от бедности и разрухи, собирая силы для индустриального взлета. «Дашь пятилетку!» — таков был лозунг партии, лозунг страны. И, значит, — лозунг комсомола.

Молодое поколение мужало на стройках, закаляло свой комсомольский характер в таких захватывающих событиях, как покорение стратосферы, как штурм рожденных стхановским движением рекордов в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте.

На устах у всех еще непривычное, но необыкновенно емкое слово — «индустриализация». В нем слилось воедино все: и перестук молотков на трассе Турксиба, и гудки первенца черной металлургии — Магнитки, и грохот бетономешалок на прокладке линий Московского метро. Сколько комсомольской страсти, горения, бескорыстия вложено в каждую плавку, в каждую стройку!

Ленинский комсомол еще только подходил к своему двадцатилетию, а на счету советских людей уже были Днепротэс и Сталинградский тракторный, Горьковский автомобильный и Московский шарикоподшипниковый.

Постепенно белые пятна на карте страны заполнялись кружочками строившихся городов.

...В тайге, на берегу Амура, рядом с диким и никому не известным селом Пермским, вовсю кипела работа: здесь рос новый город — Комсомольск. Молодых строителей-добровольцев, приехавших сюда по зову партии, по велению сердца, осеняло алое комсомольское знамя. Они очень верили, что город будет. Что саду цвести. И сегодня мы знаем: город есть! Этот город — песня о молодости. Город, которому через два года уже исполнится 50.

...А в Сибири в это время росли корпуса Кузнецкого металлургического комбината. Главный инженер строительства И. П. Бардин впоследствии вспоминал:

«Работали круглые сутки. Ночью площадку освещали прожекторы, ночные смены не хотели снижать выработку. Когда на половине котлована обнаружались плывуны, котлован продолжали рыть, стоя по пояс в ледяной воде... Экскаваторы задыхались на морозе, но каменную землю надо было во что бы то ни стало разломать... Комсомольцы начали копать землю кайлами. Коченели ноги, обмерзали пальцы, но ни один боец не покинул фронта».

Одну из домен, которую возводили молодые, они называли Комсомольской. И именно на ней какой-то смельчак водрузил алое знамя.

...А потом были черные дни и черные ночи войны. Были первые сводки: «После ожесточенных боев наши войска оставили...» Были плакаты на улицах: «Родинамать зовет!» и «Ты записался добровольцем?». Был единый трудовой коллектив, в котором люди слились под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Были Брестская крепость, Сталинград и Малая земля. Были юные подпольщики-молодогвардейцы и отважные смоленские, ровненские и брянские партизаны. Был торжественный голос Левитана по радио: «Сегодня наши войска штурмом овладели городом...». Был крылатый лозунг «Вперед, на Берлин!». И вот настал, наконец, день, когда над поверженным рейхстагом взвилось алое Знамя Победы.

Знамя Победы... Оно вобрало в себя беспримерный героизм бойцов и командиров, сохранило доблесть миллионов людей, самоотверженно трудившихся для Победы в тылу, слило в себе вдохновляющую силу тысяч боевых и комсомольских знамен, под которыми мужественно сражались советские люди.

Вспомним, сколько энтузиазма, сколько силы и уверенности в победе вызвали у жителей оккупированного фашистами Краснодона красные флаги, водруженные в день 25-й годовщины Великой Октябрьской молодогвардейцами в разных частях города!

Алые полотнища, сделанные юными

подпольщиками из небольших кусков крашеной материи, развевались над копрами шахт, над школой, над бывшим зданием райисполкома, напоминая краснодонцам о празднике, о непобедимости народа, свершившего Великую Октябрьскую революцию. Словно зачарованные, смотрели они на эти знамена, и лица их впервые за все время оккупации были озарены радостью и счастьем.

...Вспомним, что, как только началась война, горьковский завод «Красное Сормово» перешел на выпуск танков «Т-34». Перед судостроителями встала сложнейшая задача: в короткий срок перестроить всю технологию, переучить рабочих. С этой задачей сормовичи справились: уже осенью в битве под Москвой участвовали горьковские «тридцатьчетверки». Но фронт требовал все больше и больше танков. В одном из цехов завода собрался актив — коммунисты и комсомольцы. Стали прикидывать свои возможности. Оказалось, что мощностей и рабочих рук только только хватает на то, чтобы выполнить план. Что делать?

«В этот момент», — рассказывал бывший в то время директором завода Е. И. Рубинчик, — ветеран завода, коммунист Иван Васильевич Макаров, участник знаменитой демонстрации сормовских рабочих, видевший, как с высоко поднятым знаменем в руках шел на штыки царских солдат Петр Заломов, внес в цех знамя... И словно бы горячий ток прошел по рядам собравшихся. Мы поклялись у знамени выполнить задание, чего бы нам это ни стоило».

И сормовичи, большинство которых составляла молодежь, совершили, казалось бы, невозможное и сдержали клятву, данную у алого полотнища.

Вот оно какое, наше знамя!

Что вспоминается сегодня Георгию Антоновичу Юдичеву, когда он, немалодой уже человек, бывший секретарь Брянского подпольного райкома комсомола, приходит в музей партизанской славы и смотрит на небольшого размера скромное знамя, под которым он и его юные товарищи громили врага?

Вспоминается, как в 41-м он, 16-летний комсомолец, учащийся индустриального техникума, вместе с товарищами отправился строить оборонительные сооружения на реке Десне. Все лето они возводили надолбы и рыли траншеи, а когда фронт приблизился к Брянску и наши части вынуждены были отступать, им, мальчишкам, велели побыстрее отправляться по домам. 26 сентября Георгий пришел в свое село, а 6 октября фашисты оккупировали Брянск.

— В тот же день поздно вечером, — рассказывает Георгий Антонович, — к нам в хату постучались два партизана. Они пришли, чтобы взять меня в партизанский отряд. Когда представили комиссару отряда, он сказал: — Жорке надо быть не здесь, а в городе.

Так он стал связным. Ему, маленькому, незаметному мальчугану, для которого каждая тропка, каждый овражек в тех местах были знакомы, как родные, доверяли самые трудные задания: собирать агентурные сведения в поселках, где стояли немецкие гарнизоны, разбрасывать под носом у врага листовки, поддерживать связь между партизанскими явками.

Полгода он ходил на волосок от смерти и в мае 1942 года, когда партизаны вынуждены были уйти в глухие Дятьковские леса, возвратился в отряд.

Партизан в отряде было 300 человек, из них 93 — комсомольцы. Дети крестьян, подростки из маленьких городов и поселков области. И для всех главной целью теперь, когда началась война, стала защита Отечества.

...Низкую, полутемную землянку едва освещало неровное пламя от нескольких лучин, на фоне которого ребята, сбившиеся в тесный кружок за небольшим столом, казались большими серыми тенями. Сидели, разговаривали о том о сем. Стали фильмы вспоминать, какие до войны смотрели: «Щорс», «Чапаев», «Броненосец «Потемкин». Сцену, когда революционные матросы «Потемкина» подняли над броненосцем красное знамя, разобрали до мельчайших подробностей.

— А знаете, друзья, какая сила заключена в красном знамени? — Георгий

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1282) ОКТЯБРЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Молодые
ученые-химики
Анатолий КЛЕСОВ
и Ольга КОСТ
в лаборатории
энзимологии МГУ

Фото
Юрия УСТИНОВА.

- 1 БАЛЛАДА О КОМСОМОЛЬСКОМ ЗНАМЕНИ.
- 7 К ЧИТАТЕЛЯМ И ДРУЗЬЯМ «СМЕНИ»: ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ.
- 8 Рассказ Розалии ЕРМОЛЬЕВОЙ «ДНЕВНОЙ СЕАНС».
- 10 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «ПЕРВАЯ — САМАЯ ПЕРВАЯ».
- 13 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 14 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ. Леонид КУДРЕВАТЫХ. «ОГОНЬ ДУШИ. ОГОНЬ СТРОКИ».
- 16 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 20 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Повесть Илизеро КРЕМАСКИ «ЧЕРНАЯ КОЖАКА».
- 24 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. Юрий ЛАПИН. «МНГОВАЛЕНТНОСТЬ ТАЛАНТА».
- 27 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. Анатолий МАРКУША. «ВНИМАТЬ ЛИ РАВНОДУШНО?»
- 28 «ПЕРЕКРЕСТОК «СНЕГИРЕЙ». Фоторепортаж Светланы СПИРИДОНОВОЙ и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 30 АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОВЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда» «Смена» 1980 г.

**КОМСОМЛЬСКОЕ ЗНАМЯ
БРЯНСКИХ ПАРТИЗАН.**

**КОМСОМЛЬЦЫ СОВЕТУЮТСЯ,
ДУМАЮТ, АНАЛИЗИРУЮТ...**

обвел глазами членов бюро только что созданного Брянского подпольного райкома комсомола.—Ведь на нем частица крови наших отцов и старших братьев—они этой кровью в Октябре свободу нашу добывали. Трудно было солдатам в гражданскую, а ведь не падали духом, вместе со Щорсом и Чапаем крушили любые преграды. И в самые трудные минуты их вело вперед красное знамя...

— А чего ж мы без знамени воюем?—неожиданно прервал Георгия Ваня Кезиков.

— Правда, хлопцы, давайте и мы сделаем свое знамя,—включилась в разговор Лариса Куликова, веселая, улыбочивая девушка с всегда горевшими задором глазами.—Я у девчат и материю подходящую видела...

— Идея, по-моему, хорошая,—поддержал ребят Георгий и, так как в землянке находились все члены бюро подпольного райкома, сказал:

— Тогда ставлю на голосование: кто за то, чтобы отныне у нашего подпольного райкома было свое комсомольское знамя, прошу голосовать...

Не успел он договорить последнюю фразу, как над головами ребят вырос лес рук.

Это было 6 июня. В тот же день Лариса Куликова принесла кусок яркочерной материи, цветные нитки мулине—все это накануне партизаны добыли из захваченного немецкого обоза. Стали думать, какого размера сделать знамя. Отмерили пядями прямо на земле—сколько в ширину, сколько в длину. Потом на пергаментной бумаге нарисовали эскиз: герб РСФСР, звезду, две перекрещенные винтовки, надписи. С эскиза все это перенесли на полотнище.

Вышивать знамя поручили Ларисе Куликовой и Степану Костикову—внештатному инструктору райкома. Сроков, конечно, никаких ребятам не устанавливали, понимали, что им трудно, но все же 20 июня знамя было готово.

Вечером отряд в полном составе выстроился на поляне, окруженной со всех сторон высокими елями и соснами. Знамя вынесли на середину, Георгий в сопровождении двух ассистентов пронес его перед строем бойцов, и они,

глядя на алый стяг, дали клятву на верность Родине.

С этого дня, что бы ни делали комсомольцы—проводили собрание, принимали на заседании бюро молодых бойцов в комсомол или устраивали митинг,—знамя всегда было с ними, осеня каждый их шаг, каждое движение. Всю их жизнь.

В обычной обстановке знамя постоянно было у Георгия, как у секретаря, в полевой сумке, бережно сложенное и завернутое в пергаментную бумагу. Вместе со знаменем лежали две гранаты-лимонки: в случае смертельной опасности он должен был уничтожить сумку и вместе с ней то, что было для них свято,—знамя. Уничтожить, но только не допустить, чтобы им завладел враг.

В середине мая 1943 года их отряд, перемещаясь из одного района Навлинского леса в другой, оказался в окружении. Партизанам предстоял тяжелый бой, из которого—они это понимали—многие могли не вернуться живыми.

Но как быть со знаменем подпольного райкома комсомола? Ведь в партизанском бою не пойдешь в атаку под развернутым стягом. И тогда бюро решило: знамя и другие документы подпольного райкома спрятать в надежном месте, чтобы потом, если кто-нибудь из них останется в живых, забрать его обратно в отряд.

На рассвете 20 мая, накануне боя, Георгий с двумя партизанами, чуть отойдя от расположения отряда, поднялись по крутому в густом ельнике и под высокой раскидистой елью вырыли небольшую яму. Дно застелили еловыми ветками, опустили туда полевую сумку со знаменем, а на нее поставили запасное питание для отрядной рации. Сверху заложили яму дерном. Убедившись, что все сделано незаметно для посторонних глаз, они, стоя под елью, дали друг другу клятву, что обязательно вернуться сюда.

17 часов подряд дрались партизаны не на жизнь, а на смерть. Многих своих товарищей недосчитались, но отряд все же остался боеспособным соединением. И знамя было сохранено—через несколько часов Георгий с товарищами принесли его в отряд.

Больше они со знаменем до конца партизанских действий не расставались. Оно всегда было в отряде, впереди отряда. Простое и скромное, как солдатский подвиг. И как солдатский

МЫ ПОСТРОИМ ТЕБЯ, БАМ!

**ВСЕ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ СОБЫТИЯ
МОЛОДЫХ ГРОДНЕНСКИХ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ
ПРОХОДЯТ У КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.**

подвиг—великое в этой своей выстраданной простоте.

Окончилась война. Наступило иное время. Мирное. Страна постепенно заживала раны. И теперь алое комсомольское знамя звало молодых пахать землю. Собирать станки и машины. Варить сталь. Возводить плотины и города. Прокладывать в тайге железнодорожные магистрали. Перед комсомолом распахнулся большой и прекрасный мир созидания. И миллионы молодых людей вступили в этот мир—звонкий и неуверенный, веселый и открытый, величайший просто и емко: комсомольская ударная стройка.

Когда в 1967 году было принято решение о строительстве в Жданове на заводе «Азовсталь» нового цеха—стана «3600», подобного которому до сих пор не было ни на одном металлургическом заводе страны, на его месте тихо и незаметно располагался старый грабарский поселок. Первые комсомольцы прибыли сюда, когда бульдозеры сгребали в кучу неказистые домишки, а на их месте уже стоял экскаватор и, урча,

ковш за ковшом наваливал грунт в самосвалы. Приезжих не встречали ни митингами, ни громкими речами—с вокзала ребята напрямую шли в отдел кадров «Азовстали», а оттуда—в комсомольский штаб стройки. Штабисты—народ деловой и энергичный—брали их под свою опеку и знакомили с будущим местом работы.

А они и сами знали: их руками должен быть возведен гигантский стан «3600». В титульных листах девятой пятилетки он числился важнейшим объектом отечественной черной металлургии. Этот стан был очень нужен стране. Потому что очень нужна была толстолистовая сталь. 1 миллион 750 тысяч тонн высокопрочного листа, крайне необходимого для производства труб большого диаметра, постройки океанских судов, сооружения новых мостов и котлов для энергетических гигантов.

Глубокая лента котлована под фундамент главного корпуса протянулась по промплощадке почти на два километра. Поднимая за собой шлейфы серой пыли, во всех направлениях носились

стих, показалось солнце, а на душе у Зиновия скребли кошки. Он впервые за два дня снял с себя тяжелую, пропитанную водой брезентовую робу, присел на сложенные в штабель щиты опалубки, вынул из пачки «беломорину». В то время как пальцы Зиновия нервно разминали папиросу, подошел Анатолий Янчук, комсорг бригады, опустился на корточки перед бригадиром.

— Слышь, Зиновий, чего-то ни черта у нас не получается. Если так и дальше пойдет, ребята бузить начнут. А потом и разбежаться...

— Это ты сам придумал или они тебе сказали?—насторожился Федченяк.

— А ты не слышал разве, как Пивненко в обед сокрушался, что нас скоро в «Молнии» пропечатают, на всю стройку ославят. «Я,—говорит,—с берегов Невы на берега Азова не за позором, а за почетом ехал...»

— Чтoб почета добиться, Толя, надо малость всем сначала подучиться.—Зиновий вскопчил со штабеля.—Ты раньше с арматурным делом был знаком? Нет. А брат твой, Виктор? Тоже нет. Может,

грузовики с опалубкой, арматурой, кирпичом, бетоном. Постепенно прибавлялось на площадке и людей—приступали к работе каменщики, бетонщики. Это было самое начало.

Наиболее сложные по конфигурации фундаменты поручили «вязать» комсомольско-молодежной бригаде Зиновия Федченяка. Только два месяца прошло, как собрали ее, к тому же стихийно. Просто взяли и приставили к нему, опытному арматурщику, за плечами которого была не одна стройка, зеленых новичков.

И вот сразу такое ответственное дело, которое под силу лишь опыту и мастерству. В бригаде и так-то последнюю неделю работа не ладилась: из четырех звеньев два еле-еле дотягивали до нормы, а два других и полноры не всегда делали. А тут еще неожиданно пошел дождь...

Федченяк буквально разрывался на части: бежал от звена к звену, объяснял, что и как надо делать, сам не раз вставал то на опалубку, то на сварку, но дело—он видел это—в целом подвигалось очень и очень медленно.

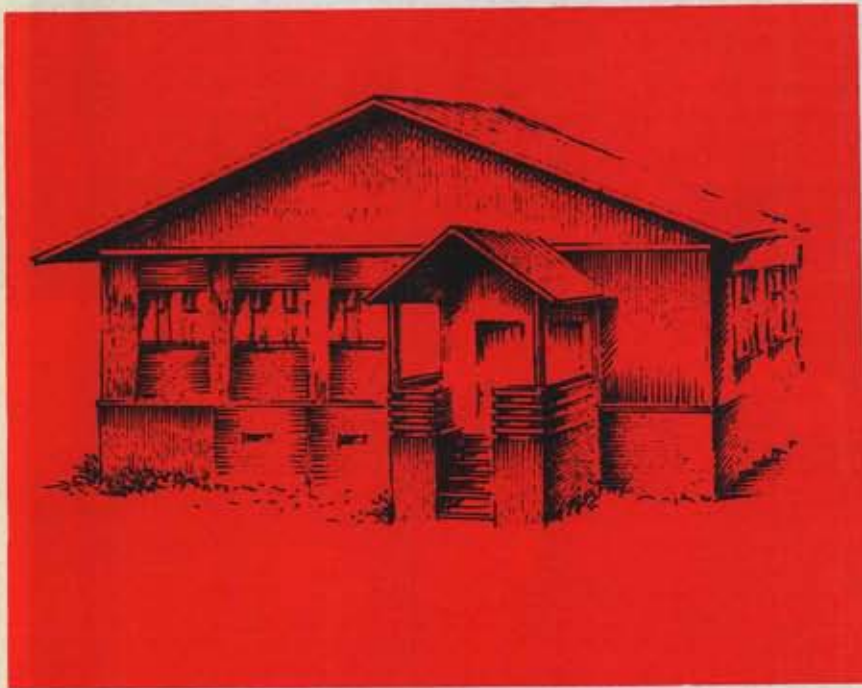
К концу смены дождь постепенно

Пивненко у нас профессор в этом деле? Или Комлев, или Дробязго? То-то и оно.

— А я и говорю, что надо бы нам малость подучиться,—подхватил Янчук, будто именно такого исхода разговора он и ждал.—Понимаешь, Зиновий, им надо обязательно растолковать, что же, собственно, они творят своими руками и каким будет в конечном счете стан, в основание которого они вкладывают свои кирпичики. Только если ждать, когда мы окончим техникум или курсы арматурщиков, много воды утечет. Давай-ка, бригадир, ты сам нам после смены в общежитии... нет, лучше тут, прямо на стройке, будешь лекции читать. С практическим показом.

Зиновий слушал Янчука, и в его сердце пробуждались надежда и радость: если комсорг так ставит вопрос от имени всей бригады, значит, дело у них скоро пойдет на лад.

На следующее утро на работу они пришли ровно в шесть вместо восьми. За два часа Зиновий успел прямо на земле нарисовать чертеж отрезка фундамента, закрепленного за бригадой. Ребята сгрудились вокруг бригадира, каждый

К ЧИТАТЕЛЯМ И ДРУЗЬЯМ «СМЕНИ»

ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

Постоянные читатели «Смены» знают о нашем общем деле и дорожат им: год назад, в 1979-м, мы сообща подарили Уренгою — поселку газовиков на севере Тюменской области — библиотеку. Читатели по призыву редакции прислали 25 тысяч книг, а журнал организовал строительство библиотеки, которую сделали и смонтировали комсомольцы Ново-Вятского комбината древесных плит из Кировской области.

Редакция и ее друзья благодарны уренгойцам за то, что библиотеке присвоено имя журнала, уренгойцы же благодарны всем, кто прислал книги, — читателям «Смены» из всех уголков страны. Подводя итоги доброму делу, мы писали о том, что создание библиотеки интересно прежде всего общественным началом, характером дела, сердечным отношением к заботам уренгойцев тысяч граждан нашей страны, для которых Уренгой — столица громадного газового промысла, место, где посланцы комсомола приумножа-

ют славу ВЛКСМ своей работой в тяжелых северных условиях.

Хотим доложить читателям «Смены» и всем участникам прошлой операции «Смена» — Уренгою, что библиотека наша общая работает, теперь в ней уже 31 тысяча книг, при библиотеке существуют передвижки, которые доставляют книги геологам, лесорубам, строителям, на газокompрессорные станции, проводятся встречи с прозаиками и поэтами (их командирует журнал), читательские конференции, при библиотеке работают кружки и клубы по интересам — словом, наше общее детище стало подлинным духовным центром Уренгоя, а Уренгой теперь получил статус города.

Казалось бы, все в порядке.

Но тут мы хотим привести письмо читателя В. А. Панкратова из города Свердловска.

«Года полтора назад, — пишет он, — вами проведена кампания по сбору книг для Нового Уренгоя. Дело это очень хорошее. В нем

принял участие и я. Но мне кажется, что на этом останавливаться нельзя. Библиотеку нужно пополнять. Поэтому сбор книг следует продолжить. Здесь важно не выделение книг, а именно сбор их, как форма шефства над молодежью, работающей все же в экстремальных условиях. Хотел бы принять в этом участие и я, бывший комсомолец 20-х годов, для комсомольцев восьмидесятых. Тем более при существующем книжном голоде таким путем можно собрать больше разнообразной литературы, чем даже приобрести за деньги».

Здесь надо заметить, что такие письма мы получаем время от времени, и редакция сердечно благодарна и читателям и писателям, продолжающим присылать свои книги для Уренгоя.

А город тем временем растет. Новый отряд комсомольцев уехал в Уренгой. Гремят на севере свадьбы. Прирастает городское население юным народом. Школа, пока единственная в городе, работает аж в три смены. А детей все прибывает. И надо сказать, в приполярном городе, где взрослые заняты нелегкой работой, не так уж много отдушин для ребят. Скажем определеннее: дети требуют в Уренгою особой заботы и особого внимания. Ведь это северные дети, которым, будем откровенны, многого не хватает из того, что стало нормой для ребят наших городов и сел: и детских кинотеатров, и фруктов, и вкусного мороженого, и книг.

Да, не хватает книг. И наша сменовская библиотека не может им помочь по-настоящему: у нее своих, взрослых, забот достаточно, ведь едва ли не каждый второй человек в молодом городе студента-заочник, папы и мамы работают и учатся, и библиотека «Смены» должна им помогать.

Но детей нельзя забывать. Это одно из славных правил нашей страны. Детям нужно очень много читать.

И вот какое письмо мы получаем снова. Причем его подписали все руководители всех организаций города. Нельзя ли, обращаются они к «Смене», построить еще одну библиотеку — детскую. Точно такую же, как и взрослую, на 25 тысяч книг. Навыrost, как говорится. И поставить ее прямо напротив уже существующей.

Редакция, что называется, изучила возможности. Комсомольцы все того же отзывчивого Ново-Вятского комбината древесных плит берутся построить и смонтировать библиотеку. Миннефтегастрой СССР принимает участие в решении экономических проблем. Министерство культуры РСФСР — в оборудовании ее. А «Смена» вновь организует и стройку, и сбор книг, и организацию всего дела от начала до конца.

Но что такое «Смена»? Это ее читатели! Без читателей журнал ни на что не способен. Без читателей мы ничего не сумели бы — в

том числе и наш первый опыт не получился бы. Но он получился.

И вот мы снова обращаемся к читателям. К вам, наши дорогие, отзывчивые, сердечные друзья! **Давайте построим детскую библиотеку в Уренгою! Давайте соберем 25 тысяч детских книг! Давайте делом позаботимся о детях северян, о детях-северянах! О тех, кому пока еще так не хватает счастливых детских радостей!**

Хотим сказать здесь, что детскую библиотеку собрать можно интересно и содержательно. Почти в каждой семье есть дети. Они вырастают. Книжки копеечные, в тонких переплетах выбрасывают истерзанные. Но вот детскую книгу, изданную хорошо, с красивыми рисунками, в твердом переплете, выбросить рука не поднимется, а сдать в букинистический магазин бывает недосуг. Вот в этих-то книгах, тоскующих во взрослой семье, мы видим главные резервы для Уренгойской детской библиотеки. Впрочем, и тонкие книжки в хорошем состоянии будут хорошим подарком юным уренгойцам. Достойная мысль — передать новым детям книги, прочитанные собственными детьми. На наш взгляд, в этом поступке есть высокий нравственный смысл. Особо приглашаем мы к сбору книг для своих товарищей с севера пионеров, школьников, комсомольцев, народ, который славится жаждой новых хороших дел.

Итак, «Смена» приглашает читателей прислать книги для детской библиотеки в Уренгою. На этот раз мы просим посылать их прямо на север, по адресу:

626718,
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ,
ГОРОД НОВЫЙ УРЕНГОЙ,
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ЖУРНАЛА «СМЕНА»,
ДЕТЯМ УРЕНГОЯ

И пусть слова детям Уренгоя станут девизом нашего нового дела.

Одно необходимое пояснение: библиотеку имени «Смены», ту самую взрослую библиотеку, которую мы открыли в прошлом году, редакция считает своим отделом, поэтому мы и просим книги посылать прямо туда, чтобы обойтись без лишней их «перевалки», а работники библиотеки станут оперативно передавать нам списки всех приславших хотя бы одну книгу и все письма, вложенные в бандероли. Поэтому «Смена», постоянно информируя о сборе книг, как и в прошлом году, назовет имена всех без исключения дарителей.

Итак, книги — детям Уренгоя! Ждем их!

Строим детскую библиотеку в юном городе!

ДНЕВНОЕ СЕДАНЕ

Розалия ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

1

Ах, эти дети!

Лидия Николаевна присматривалась к собственной дочери, точно прислушивалась к себе. Зоя росла, конечно же, не понимая себя, а мать разглядывала ее с тревогой: что-то будет, как-то будет... Из серенького, нескладного утенка Зоя превращалась, точно в сказке Андерсена, в тревожно-красивое создание, и Лидия Николаевна не могла не страдать: волшебные превращения не проходят бесследно.

Лидия Николаевна не относилась к матерям, которые до умопомрачения болезненны, когда речь идет об их дочерях. До умопомрачения. Да, ей приходилось знать таких: ох, как бы чего не случилось, как бы дочка не попала в дурную компанию, как бы не совершила ошибочного шага, как бы, как бы, как бы... При такой опеке чаще всего и случались, как это ни странно, и ошибочные шаги и дурные компании. Опека оказывалась формой недоверия, а недоверие возникало тогда, когда мать чувствовала, что в основе, так сказать, в фундаменте ее дочери не хватает каких-то краугольных кирпичиков.

Вообще Лидия Николаевна была женщиной молодой, замуж вышла рано по нынешним временам, двадцатилетней, так что прекрасно помнила свое девичество и Зойкин рост ощущала как свой, все же тревожась от одной простой мысли: между ею самой и ее дочерью разрыв всего в шестнадцать лет — не бог знает какая эпоха, — а как все непохоже у Зои и у нее...

Жизнь Лидии Николаевны складывалась сразу и просто и непросто. Судьба ее и в семье и на работе была благополучной, но это благополучие добывалось трудом, общими усилиями, общими стараниями, общими преодолениями ее и мужа. И если говорить откровенно, по стандартной оценке внешних ценностей, — мало кто интересуется ценностями подлинными, внутренними, чаще измеряя внешние признаки, — то по оценке вот такой,

внешней, она, Лидия Николаевна, жила беспроblemно: и деньги, и квартира, и обстановка, и одежда... Когда-то, думала Лидия Николаевна, впрочем, не так уж и давно, люди думали, что как только придет материальное благополучие, жизнь перевернется, изменится самым коренным образом, человек погрузится в жизнь духовную, станет совсем другим. Но вот семья Лидии Николаевны достигла полного материального благополучия, а проблем меньше не становится, и первая среди них — Зоя.

Лидия Николаевна частенько думала о материальной стороне дела и о Зойкиной судьбе. Кто-то, может, и скажет, что это никакой проблемой назвать нельзя, Лидия Николаевна с этим не согласна. Вот они с мужем всего добивались сами, и как этого добивались, как шли, с какими трудностями, преодолениями, Зое неизвестно — она была несмышленной. Теперь же получается так, что материальное благополучие в общем-то нормальная составная часть Зойиной жизни. Она как бы начинает с того, к чему родители пришли в результате борьбы и работы. Вот так-то! Разве это не вопрос?

Благополучие ломает людей посильней несчастий и лишений, это не так трудно заметить. И накладывает отпечаток на все.

Лидия Николаевна вздохнула, вновь взглянув на Зою. Та говорила по телефону. Телефон вообще теперь принадлежит ей. Говорит часами со своими подружками — вот телефон хотя бы этот проклятый, разве же он не портит людей? Вместо нормального общения вот этакая дружба на расстоянии — не видит ни улыбки, ни выражения лица...

Зоя едва успела положить трубку, как телефон загремел снова. На этот раз разговор был поразительно коротким. Лидия Николаевна удивленно посмотрела на дочь.

А та возбужденно ходила по комнате.

— Что случилось? — спросила Лидия Николаевна.

— Мне это начинает надоедать.

— Что именно?

— Эти телефонные звонки. Как, по-твоему, он ненормальный?

— Кто он?

— Димка. Тот, что учился в нашей школе, а теперь ушел в вечернюю. Каждый день приходит к концу занятий и провожает меня домой. Я сказала ему, чтобы не ходил за мной по пятам, пожалуй тебе, тогда он стал звонить и угрожать. Заявил, что если увидит меня с кем-то из мальчишек, убьет.

— Кого?

— Меня.

— Непонятно, — пожала плечами мама. — Я бы на его месте убивала своих конкурентов.

— Да нет никаких конкурентов!

Через минуту снова раздался звонок. Лидия Николаевна взяла трубку.

— Зоя? — услышала она.

— Нет, это не Зоя.

— Не дури, Зойка. Пойдем в кино? Я купил билеты.

— Дима, тебе со мной в кино будет неинтересно.

— Это почему же?

— Да потому, что я не Зоя, а ее мама.

— Брось прикидываться. Что, я твоего голоса не знаю?

— Конечно. Ведь мы с тобой говорим по телефону впервые.

В трубке послышалось частое дыхание, потом кашель и, наконец, виноватый голос:

— Простите, пожалуйста. Я вас за Зою принял...

— Прощаю. Нас часто путают. А чтобы лучше узнать друг друга, поднимайтесь к нам, тут и решим, кто с кем пойдет в кино.

На другом конце провода произошло какое-то замыкание, долгая пауза, и Лидия Николаевна спросила:

— Вы слышите?

— Это правда? — послышался растерянный голос. — Я — к вам?

— Поторопитесь, молодой человек! — рассмеялась она и положила трубку, а взглянув на Зою, рассмеялась еще громче.

— Возможного убийцу! Собственной дочери! В дом! — Зойка восклицала, явно кокетничая.

Возможный убийца был светловолос, голубоглаз, розовощек и курнос. Лицо его выражало полный конфуз. Он стоял на площадке, совершенно убитый, а звонок заливался, не утихая. Видно, на радостях он так крепко нажал на пуговку, что та застряла в отверстии. Так что вместо приветствия Димка сказал в смятении:

— У вас не найдется перочинного ножика?

Лидия Николаевна принесла ножик, в глубине

Виктор АНЮТИН
 Фото Сергея ВЕТРОВА
 Специальные
 корреспонденты «Смены»

ПЕРВАЯ

Ночь, улица, фонарь, аптека... Знакомая строка Александра Блока возникла в памяти сама собой. И не так уж важно, что слова поэта относились к Петербургу, они о российском городе вообще, о его атмосфере, о зримых чертах его пейзажа.

Есть ночь. Щемящим душу весенним воздухом, в котором так весело звучат голоса прохожих, упала она на Москву.

Есть улица. Она носит теперь имя исторического дня — 25-го Октября. Старая улица, любимая и москвичами и приезжими, бывшая Никольская, начинается от Исторического музея и легендарной брусчатки Красной площади и ведет к площади Дзержинского.

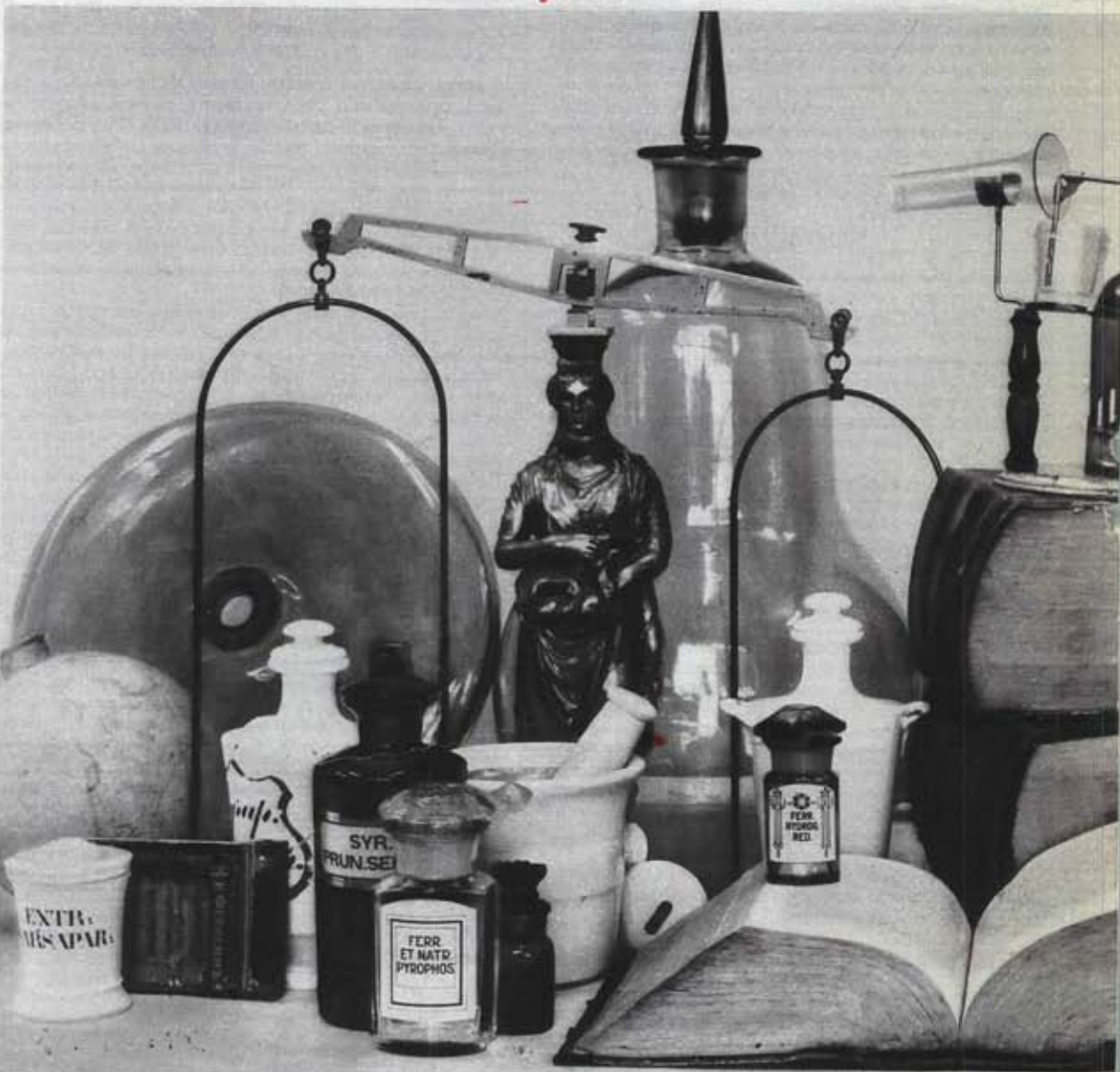
Есть и фонарь. Много фонарей, щедро разливающих свой свет.

А вот и аптека. В самом конце улицы, по левой стороне, дом номер 19/21. Знаменитая Первая аптека. Нам сюда.

ПРИКАЗ, УКАЗ И ДЕКРЕТ

Этот дом старые москвичи иной раз называют «феррейновской аптекой». Так же, как «елисеевский магазин», «филипповская булочная», «сандунов-

**ВИТЫЕ РЕШЕТКИ,
 ЗАТЕЙЛИВЫЕ ЛЮСТРЫ,
 ЛЕПНИНА НА ПОТОЛКАХ...
 ПОХОЖЕ НА ДВОРЕЦ?
 НЕТ, ЭТО НЕ ДВОРЕЦ,
 А ПЕРВАЯ АПТЕКА.**

он сделает вид, что никакого разговора не было вообще, ответит, как у них дома: «Но я ведь учусь!» И, мол, отстаньте, ради бога.

Но все-таки она прервала молчание.

— Дима, а обещание убить Зойку — это шутка?

Он внимательно посмотрел на нее. Лидия Николаевна даже поежилась от его взгляда. Точно Димка спросил: так вы этого боитесь? Из-за этого и в кино пошли? Но Дима сказал совсем другое:

— Эта шутка не повторится. — И вздохнул.

Они снова пошли молча, и только минуту спустя он проговорил продолжение фразы:

— Ничего больше не повторится.

— Ничего? — переспросила Лидия Николаевна.

Он усмехнулся, но ничего не ответил. Теперь Лидия Николаевна и паренек стояли возле ее подъезда, и она тщетно пыталась придумать слова, так нужные ему в эту минуту. Ничего не выходило. Какие-то вымученные фразы, которые она не решалась произнести.

Наконец, сказала:

— Заходи к нам, Дима.

Он пронзительно посмотрел на нее и едва заметно покачал головой. Этот мальчик, подумала она, старше не только Зойки, но и меня.

— Приходи ко мне в гости, — нашла Лидия Николаевна и снова поежилась под взглядом Димки. Точно он ответил: «Милостыни не принимаю». Но Димка улыбнулся и сказал:

— К вам — может быть.

6

Лидия Николаевна не вызвала лифт, а медленно, дыша на каждой площадке, пошла по лестнице.

Ах, эти дети! Они растут и, вырастая, прибавляют забот каждому дому. Заботы всюду разные, и неизвестно, какая тяжелее. Как-то сложится Зойкина жизнь? Вовсе не исключено, что на самом взлете, когда будет она молодой женщиной, благополучие изменит ей в самостоятельной жизни — родители не вечны, — и вот тогда, тогда сумеет ли она бороться, как мать и отец, выстоит ли в непростых обстоятельствах?

Ведь чтобы выстоять, мало сил и воли мало. Нужно еще что-то, по-настоящему человеческое, высокое. Да, вот это слово. Надо уметь сострадать. Требуется сострадание. Но найдется ли оно у Зойки, ставшей взрослой?

Зоя точно ждала мать. Вопрошающий, заинтригованный взгляд:

— Ну как кино?.. С мальчиком?

Откуда такая жестокость?!

— Почему ты не пошла с ним? Вернее, почему отказала при мне?

— А почему я должна идти с ним?

— Я считала вас школьными товарищами.

— Мы с ним объяснились.

— Каким же образом?

— Я сказала ему, что мы хотя и одноклассники, но он ведет себя по-мальчишески. Я для него старушка. Отслужит в армии и выберет себе в подружки молоденькую девочку, она к тому времени как раз подрастет.

— А ты состаришься?

— Да, я поступлю в институт, и у меня появятся новые друзья.

— И этим ты дала ему понять, что вы разного поля ягоды?

— Мы останемся знакомыми, как были. И этого достаточно.

— Ты знаешь, что у него дома?

— Ты думаешь, это смягчающее обстоятельство?

7

Лидия Николаевна вышла на балкон: все дрожало в ней, хотелось хлебнуть свежего воздуха. Но стояло жаркое лето, и воздух на улице был раскален.

Когда-то ей делали операцию под местным наркозом, и она явственно помнила ощущение неосознанности, когда тело заморожено и ничего не слышит. Она не слышала ничего и сейчас точно так же. Онемелость, застылость души. Неожиданная застылость — от слов собственной дочери. Вот оно, неблагополучие благополучия...

Но Лидия Николаевна знала: скоро онемелость пройдет, и все в ней заболит, заночует, заночует, и много дней будет она рыгаться в себе, страдая, мучаясь, откапывая в дальней памяти день, час, неверный поступок и слово, которые, прорастая, взойшли в Зойке, ее собственной дочери, этим холодом и этой жестокостью к славному мальчишке с трудной судьбой.

И вовсе не обязательно, что она докопается до этих слов и поступков непременно в себе. Может, зерна эти брошены другим ветром, о котором не знает никто, даже Зойка.

Ах, дети...

САМАЯ ПЕРВАЯ

СКВОЗНЯК ОТ ПОВЕТРИЙ

ские бани», эта самая «феррейновская аптека» хранит своим именем, как видно, просто обаяние старины.

В XVIII и первых годах XIX века на месте нынешней аптеки № 1 располагался дом Академии наук, а в нем — ее же книжная лавка. Позже здание перешло к известному книгопродавцу Глазунову, рядом, у стены Китай-города, раскинулись лавки букинистов — не случайно именно там теперь открылся популярный магазин антикварной книги. В 1832 году домом и участком завладел выходец из Пруссии фармацевт Карл Феррейн. Но аптека здесь существовала и раньше. Строго говоря, свою родо-

словную она ведет от аптеки Даниила Гурчина, открытой им в 1701 году на том месте, где ныне расположена станция метро «Площадь Революции». За сто с лишним лет аптека несколько раз переходила из рук в руки и в начале XIX века была переведена на Никольскую улицу, где и получила новое название «Старо-Никольская».

У меня в руках «Розничный Прейс-Курант торговли аптекарскими товарами...» того времени. Занятная книжица. Изданная богато, в «купецком вкусе», она содержит, кроме безудержного хвастовства владельца аптеки, довольно подробный перечень товаров. Ассортимент, конечно, смешной по сравнению с нынешним, тогда и слыхом не слыхивали, скажем, об антибиотиках. Но зато масло, как для медицинских, так и для кулинарных целей, предлагалось семи наименований. И флаконы к ним делались неодинаковые, чтобы не перепутать. Если уж прованское, то в длинной и граненой, как стакан, бутылочке. Да и другие разделы «Прейс-Куранта» небезынтересны.

Впрочем, недостаток в весьма любопытной литературе на эту тему не было с древности. Первая в мире медицинская рукопись, так называемая шумер-

обнаружен скелет неандертальца со следами успешной хирургической операции, рядом найдено захоронение с букетами душистых трав — могила первого провизора.

Первая регламентированная государством аптека появилась в Багдаде в VIII веке, а лаборатории для приготовления лекарств и ядов существовали гораздо раньше — в странах древнего мира: Китае, Египте, Риме. В России первая аптека (она обслуживала только царскую семью и высшую знать) открылась в 1581 году, о ее предшественниках достоверных сведений нет. Любопытно, что в XVI—XVII веках фармация (совокупность прикладных дисциплин о добывании, обработке, хранении и отпуске лекарств) считалась у нас важнее медицины, во всяком случае, учреждение, ведавшее и тем и другим, называлось Аптекарским приказом.

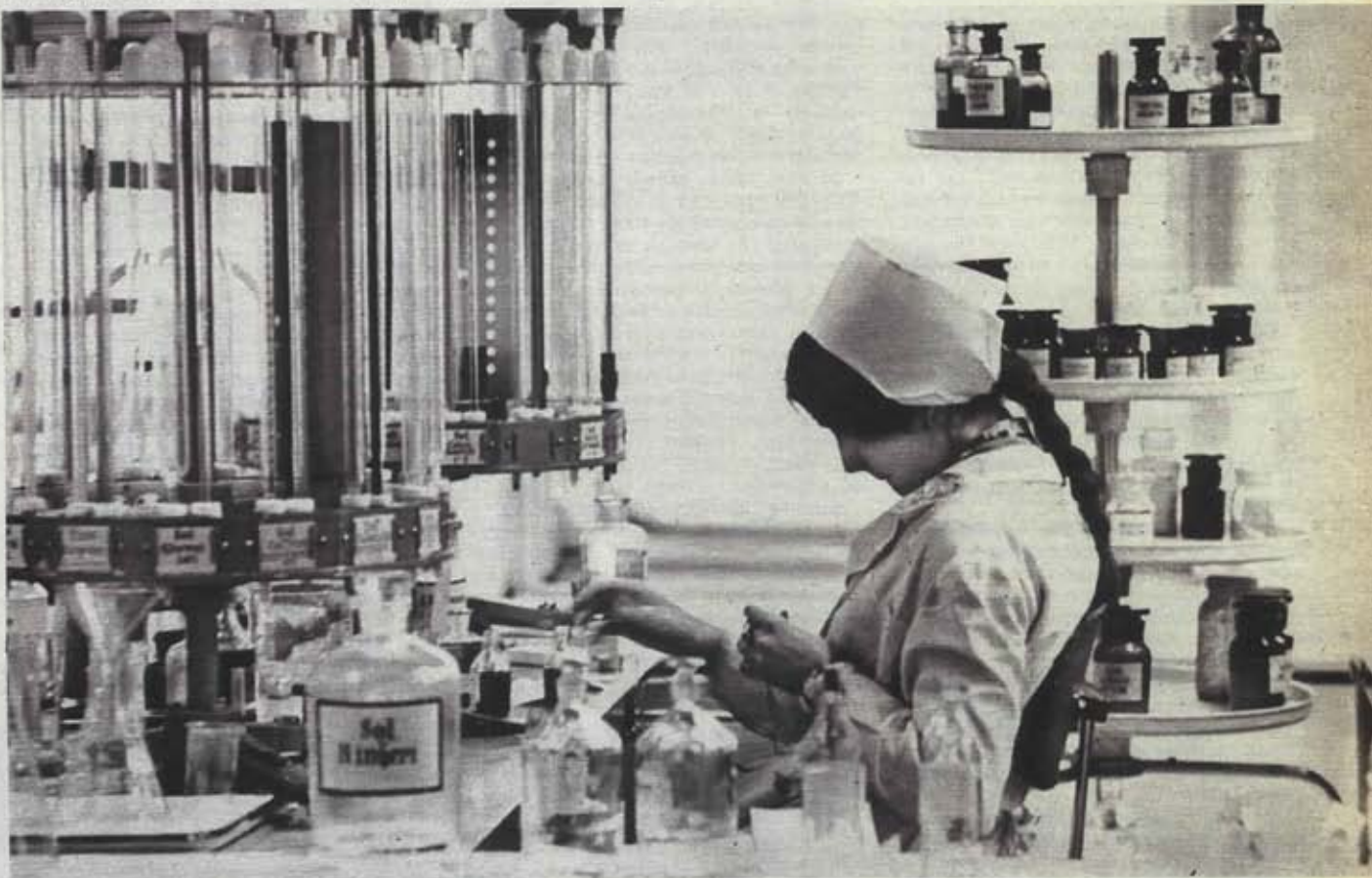
Решительным поворотом в этой области знаний, как и во многих других, мы обязаны Петру I, который издал в 1701 году указ об организации частных аптек в Москве. И снабжали лекарствами они уже все население. С той поры аптечное дело в нашей стране стало бурно развиваться. Но еще долго официальными руководствами по приготовлению, хра-

Сначала надо под присмотром кастелянши облачиться в белый халат и застегнуться на все пуговицы — в иной одежде внутрь аптеки не пускают даже ревизоров.

Потом, поскольку это совсем близко, стоит заглянуть в библиотеку. Тут хранится около 12 тысяч томов, в достаточном выборе новинки прозы и поэзии, классика, издания по искусству, журналы, несколько шкафов занимает специальная литература, среди которой заметны старинные фолианты на латыни и немецком... Любые книги, кроме медицинских, выдаются на дом — и это правильно. Начитанность, интеллигентность для фармацевта не роскошь — необходимость.

А вот и приемная заведующей аптекой В. И. Никулиной. В узенькой комнатке, куда непонятным образом втиснулись огромные часы с маятником из бронзы (похоже, тоже наследие прошлого), происходит непрерывающееся «действие». Ежесекундно в одном из двух телефонных аппаратов, установленных на столе, раздается звонок. Можно и не ждать звонка, просто снять трубку и сказать: «Первая аптека...» — в

«ДА, ЭТО ЛЕКАРСТВО У НАС ЕСТЬ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРИЕЗЖАЙТЕ...»

ЭТУ ДЕВУШКУ НЕЛЬЗЯ ОТВЛЕКАТЬ ОТ РАБОТЫ — ОНА ДЕЛАЕТ ЛЕКАРСТВА. ЗНАЧИТ, В ЕЕ РУКАХ ЖИЗНЬ...

И ДО СИХ ПОР СТАРИННЫЕ ФОЛИАНТЫ НУЖНЫ СОВРЕМЕННЫМ ФАРМАЦЕВТАМ.

ская фармакопея, датируется III тысячелетием до нашей эры. Папирус Эберса, содержащий сведения о способах приготовления лекарств, рецептуре, методах лечения различных заболеваний, написан в IX веке до нашей эры. Причем эти документы свидетельствуют, что и в те далекие времена умели синтезировать довольно сложные средства. А недавно в печати промелькнуло сообщение, что

нению и проверке лекарств, а также перечнем лекарственных веществ считались прусские и австрийские фармакопеи. В 1866 году была издана первая такая книга на русском языке, а сейчас фармацевты пользуются ее десятым изданием, многократно дополненным и улучшенным. К концу XVIII столетия на Руси было около 100 аптек, а к 1914 году — 4791, из них почти 200 земских, то есть не принадлежащих частным лицам.

Вполне закономерным стало принятие 28 декабря 1918 года декрета о национализации аптек. И, чтобы покончить со статистикой, сообщим, что за годы Советской власти количество аптек в РСФСР увеличилось в пять раз, а число аптечных работников — в десять.

ответ услышишь: «У вас есть?...» Одновременно в комнатке сидит или стоит до десятка посетителей, и у каждого своя «ма-аленькая просьба». Кроме того, заходят сотрудники аптеки и другие деловые визитеры, как правило, с «большой просьбой». И всем им Светлана Алексеевна Тиновицкая, дежурящая в приемной, успевает отвечать, а сейчас еще параллельно дает короткое интервью.

- Первая аптека...
- Бальзам «Золотая Звезда»? Не поступил...
- Витаминизированный рыбий жир? Есть...
- Присядьте, присядьте...
- Первая аптека...
- Забавное? Да у нас больше печаль-

ПОЭЗИЯ

Дорога на Север

Творческую особенность Анатолия Преловского очень точно и емко охарактеризовал Евгений Сидоров, сказав: «Способность всю жизнь помнить детство, ощущать бег времени, черпать в истоках силу для настоящего — этим Преловский наделен щедро».

В поэмах Анатолия Преловского — своеобразная поэтическая летопись Сибири, начинающаяся с петровских времен. Человеческие и исторические катаклизмы, казалось, вот-вот оборвут истончившуюся, обескровленную в борьбе нить родства.

...не мудрствуя лукаво, читатель мой, пойдем в нескорый путь. По своему лирическому праву я жизнью поделись, а ты же будь внимателен и терпелив.

Чтобы не рухнул, не рассыпался на фрагменты создаваемый свод поэм, в фундаменте вошла история строительства БАМа.

О добрых делах тех, кто открывал Сибирь, а также о своих предках и современниках, прошедших нехоженными путями, ведется в поэмах раздумчивое поэтическое исследование.

Все явственной отсюда, с Магистрала, как в фокусе собравшей звукоряд эпохи: переключку душ и далее — минувшего с грядущим общий лад.

Естественно присутствует в сегодняшних свершениях сама История: «Мы прогремели улочкой кривой, где Кюхельбекер жил».

Тревогой, душевной болью за судьбу тавяжной природы наполнена поэма «Заповедник».

С зимы 1974 года до осени 1978 года работал Анатолий Преловский над сводом поэм, вернее, основной частью свода.

Виктор ФЕДОТОВ

ПРОЗА

Свет доброты сердечной

Иван Иванович Гудов, автор новой документальной повести «Друзья на всю жизнь» (Профидайт, 1980 г.), прошел долгий и славный трудовой путь.

И вот новая повесть рабочего писателя. Тридцатые годы. На один из крупных московских заводов приходит новый мастер.

справился. Тогда мастер отстегнул белый воротничок, встал к станку и «показал настоящий класс работы».

Это только небольшой эпизод из повести. Но и здесь читатель видит, что работа у мастера непростая и требует она не только профессиональных знаний, но и острого душевного зрения.

И прежде всего Гудов подчеркивает особую роль мастера-воспитателя. Не случайно героем повествования становится Константин Васильевич Белов, человек, закончивший машиностроительный институт и педагогический техникум.

Свет сердечной доброты исходит от героев этой книги. Пройдя через ошибки, сомнения, неудачи, они сумели выбрать верный жизненный путь.

Валерий ЛОКТЕВ

ПУБЛИЦИСТИКА

Климат человеческих отношений

Художественно-документальные очерки журналиста Виталия Ганюшкина, составившие сборник «Я и другие» («Молодая гвардия», 1979 г.), обращены в первую очередь к молодому человеку, перед которым открыт необозримый простор деятельности.

Человек и общество. Тема вечная и крайне важная. Все мы находимся в коллективе. Наше общение, отношение к делу рождает общественно — полезный труд.

В этой книге двенадцать глав. И столько же встреч, адресов. Вот один из них — подмосковный город-спутник Калининград («Дом под парусами»).

Несомненно, важное и полезное несет в себе книга Виталия Ганюшкина. Своеобразной иллюстрацией к каждой главе являются и приведенные высказывания известных людей.

Михаил КОРОТКОВ

ИСТОРИЯ

Жизнеописание античных философов

Вышла в свет на русском языке работа Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

«Мысль», 1979 г.) — от времени возникновения философии (VI в. до н. э.) до эпохи самого автора книги (конец II — начало III в. н. э.).

Достаточно назвать лишь некоторых из этих героев мысли, чтобы стало ясно, что скващенное отнюдь не преувеличение и не простая дань далекому прошлому.

Работа Диогена Лаэртского об этих и многих других выдающихся философах не просто книга по истории философии или сухая хроника имен и идей.

Серьезное в сообщении Диогена Лаэртского свободно чередуется со сведениями легендарного характера, изложение философской концепции непременно соседствует с бытовым рассказом о привычках и образе жизни самого автора.

Диоген Лаэртский — демократичный автор. Ему совершенно чуждо характерное для профессиональных историков философии чувство дистанции между своими знаменитыми героями и обычными смертными.

Книга Диогена Лаэртского отличается той непосредственностью, которая давно утеряна как стиль изложения серьезной темы и потому особенно привлекательна как живой голос былого.

Издание снабжено обстоятельной вступительной статьей А. Ф. Лосева, поучительными примечаниями переводчика М. Л. Гаспарова и — в качестве дополнительного дара читателю — приложением, куда вошли четыре биографические работы древних авторов о Платоне, Пифагоре, Плотине и Прокле.

Владик НЕРСЕСЯНЦ, доктор юридических наук

ИДОГОНЫ СТРОКИ

тами, а потом издавались миллионными тиражами, подобно снарядам, шли на вооружение действующей армии.

Как и все военные корреспонденты, Горбатов с войсками разных фронтов, очищавших нашу землю от фашистов и освобождавших народы других стран, шел на Запад. Многие его очерки той поры: «Здравствуй, Донбасс!», «Мариуполь», «Херсон», «Лагерь на Майдане» — стали своеобразными художественными документами и по праву заняли свое место в собрании сочинений Горбатова.

В годы войны, точнее, в 1943 году Борис Горбатов написал одно из значительных своих произведений, которое вначале называлось «Семья Тараса», а потом уже «Непокоренные» — о мужестве и нестибамости советских людей, оказавшихся на временно оккупированной немцами территории. Оно печаталось в «Правде» в мае и сентябре 1943 года. В том же году его напечатал журнал «Октябрь», а Гослитиздат выпустил отдельной книгой. «Непокоренные» переведены на многие языки как в нашей стране, так и за ее рубежами.

Подружила и душевно сблизила меня с Борисом Горбатовым совместная с Константином Симоновым и Борисом Агаповым командировка в Японию в 1945 году.

Западная пресса да и японская пропаганда, чтобы как-то объяснить безоговорочную капитуляцию Японии, шумели: «Токио разрушено на 85 процентов».

Но уже после первых прогулок по Токио мы увидели, что город в основном цел, только на окраинах редкие плешины от пожаров. Ходят трамваи, электричка, работает метро.

— Весь город цел! — теперь уже возмущался Борис Горбатов. — Те, кто писал и шумел о развалинах Токио, не видели настоящих развалин Сталинграда, Варшавы, Минска...

В решении, согласно которому наша группа направлялась в Японию, фамилия Горбатова стояла первой, а в скобках значилось — руководитель. В моем дневнике за 28 декабря 1945 года (третий день пребывания в Токио) записано:

«Шутя мы распределили между собой обязанности: Симонов — «голова», Агапов — парторг, я (не член профсоюза: был военнослужащим) — профорг, стенографистка Муза Николаевна — женорг, она же — зав. секретной частью. А Боря Горбатов назвал себя массой и оппозицией и занимался только тем, что критиковал поступки каждого из нас и требовал, чтобы его лучше обслуживали».

Переписав это, я подумал: «Наверное, наклепал на Бориса. Но нет. Борис Агапов в книге «Шесть загранич» пишет: «...когда дело дошло до Горбатова и его спросили, кем он хочет быть, он сказал безапелляционно:

— Я — масса. Должны же вы кого-то обслуживать».

А уж если не в шутку, то Борис, как и все мы, работал без устали. В Японии его интересовало все, а многое, особенно неискоренный милитаристский дух, которому потакалы империалисты, вызывало в нем глубокое возмущение, о чем он не раз говорил каждому из нас, порой даже произносил гневные речи за завтраком или за обедом.

Речь у Бориса Горбатова была четкая и ясная, но скорострельная: слова вылетали из его уст, точно из пулемета. Он много курил. Ел, как любой нормальный мужчина, но бифштекс подавай ему с кровью. Соль заменяла горчицу и перец. Даже дольки селедки, прежде чем отправить в рот, он макал в соль.

Коренастый, крупноголовый, всегда чисто выбритый, он, как чародей, не глядя в зеркало, наголо брил свою голову. И работал необычно. То всю ночь напролет пишет, то спит в обденные часы. Об этой поездке он опубликовал немного — всего четыре, правда, довольно больших очерка. Один о Филиппинах, куда Горбатову посчастливилось слетать одному, другой — об Окинаве, на этом острове он побывал тоже один. А собственно о Японии только два: «Человек из сословия «Эта» и «Дикое поле».

Нужно сказать, что в Японии Борис был занят... Арктикой. В газете «Советское искусство» 1 мая 1946 года он писал: «Я заканчиваю сейчас пьесу «Закон зимовки». В ней снова обращаюсь к своим любимым героям — людям Арктики».

Эту пьесу я начал писать до войны. В военные дни при любой возможности я снова обращался к пьесе — писал немного, зато часто думал о ней.

Уезжая в Японию, я взял с собой рукопись. Там

для меня было большой радостью общаться с пьесой. Приятно было после утомительных встреч и бесед с японскими реакционерами вернуться в мир хороших советских людей. Кстати, мы шути называли наше пребывание в Японии «зимовкой».

В Токио я, что называется, визуально наблюдал, как пишет Борис Горбатов, как бы находился в его творческой лаборатории. Неторопливо, строка за строкой, бисерным почерком, он заполнял страницу бумаги. Потом начинал читать написанное, вносил поправки. Опять все переписывал. Опять читал и правил. И переписывал. Иногда до десяти раз, до тех пор, пока страница уже не нуждалась ни в одной правке! Так Горбатов работал всю жизнь. Он с одинаковой требовательностью относился к любому своему произведению, будь то очерк, рассказ, статья, повесть или пьеса. Поэтому некоторые вещи звучали, как стихи в прозе, например, «Письма товарищу» (замечу в скобках, что прозаик Борис Горбатов был незаурядным драматургом: в собрание сочинений вошли пять его пьес, некоторые ставятся и по сей день, в том числе и за рубежом).

Но вернемся в Японию. Приведу один отрывок из своего дневника:

«Утро. Горбатов, раскладывая сто тридцать восьмой пасьянс, кричит из своей комнаты:

— Ама! Ама! Воды!

Ему приносят холодную воду. Лицо багровеет, глаза мугнеют. Он смотрит на маленькую аму, улыбающуюся в ответ на его грозный взгляд. А он беспомощно, чуть ли не шепотом, лепечет:

— Мне нужно горячую воду. Понимаете: горячую. Я два месяца говорю вам это!

Потом он грузно валится в кресло, стонет:

— Все надоело... Домой! Домой!

Вдруг он соскакивает и быстро уходит в комнату Агапова.

— Я не могу, я сойду с ума! Послушайте, Костя опять диктует. С пяти утра диктует, машинка стучит. Кудреватых тоже щелкает. Это ад! Домой! Домой!

Потом он удобнее усаживается в кресло в комнате Агапова, закуривает папиросу, сразу отгрызает половину ее мундштука и въедливо спрашивает:

— Как вы посмотрите на ход современных событий? Вы все знаете, у вас ворох материалов, вы везде успеваете. Вы у меня генерала Танаку украли? Украли! У Кудреватых принца похитили? Похитили! Вы тоже за сенсациями ударить стали!»

На многих страницах моего «Японского дневника» воспроизведены наши беседы с руководителями коммунистической, социалистической и либеральной партий, но, к сожалению, в них не сказано, какие вопросы задавал я, какие Борис. Потом, вернувшись на Родину, когда мы ездили с Борисом по городам и выступали с рассказами о Японии в разных аудиториях, в том числе и на собраниях партийного актива, я пользовался этими записями.

«19 января. Несколько часов мы с Борисом провели в доме господина Наито. На воротах вывеска: «Институт поисков мира». Сам Наито сыграл немалую роль в установлении дипломатических отношений между нашими двумя странами. В начале двадцатых годов он не раз бывал в Москве. Одна за другой нам показывались фотографии с автографами на них Калинин, Луначарского, Семашко, Чичерина и многих других руководителей в то время работников молодой Советской страны. Была и такая фотография: Наито в группе с Маяковским, Пастернаком, Станиславским, Эйзенштейном и другими (кстати сказать, такой редкостный снимок хранится в моем архиве). Господин Наито осудил японский империализм, желая, чтобы Япония развивалась как самостоятельное большое государство в семье всех народов».

Вернувшись в наш дом, за ужином Борис восторженно говорил об этой встрече:

— Есть в Японии люди, которые многие годы жизни посвящали тому, чтобы сблизить Японию и нашу страну!»

«11 февраля. Принесли перевод нашей коллективной беседы в редакции газеты «Иомиури симбун».

«Представитель газеты: В Японии сейчас острым вопросом является положение демобилизованных. Как этот вопрос разрешается в Советском Союзе?»

Горбатов: В Японии и других странах вопрос о демобилизованных — это вопрос прежде всего о предоставлении работы. В Советском Союзе о работе беспокоиться не приходится... До войны, во время войны и после войны в Советском Союзе никогда не возникал вопрос о безработице...

Демобилизованные могут вернуться на свое прежнее место работы или получить работу в другом месте».

«11 марта. Борис и здесь не может жить без шахтеров... Сегодня на несколько дней едет в угольный район».

Пожалуй, здесь я оборву выдержки из «Японского дневника», но и из сказанного виден характер Бориса, система его работы, круг его интересов и острота политического мышления.

Конечно, я многое знал о характере, чувствах и манере работы Бориса. Но как-то так случилось, что воспринимался он только с «Ячейки», когда ему было двадцать лет. А что было до «Ячейки»? Или так вот, запросто, человек сел за письменный стол и «нарубал» повесть, взволновавшую всю комсомольскую страну? За треть года, которые мы провели в пути и в Японии и «сели не один пуд соли», каждый друг о друге знал все или почти все. Борис Леонтьевич Горбатов, сын театрального гримера, родился в Донбассе, где и прошла его юность. Еще в школьные годы писал для «Синей блузы». А когда ему не было и четырнадцати, в мае 1922 года, он написал и опубликовал в газете «Всесоюзная кочегарка» свой первый рассказ «Сытые и голодные». Вскоре начинающего литератора или рабкора — дело не в звании — пригласили на штатную работу в редакцию той же газеты. Около года работал он в редакции «Молодой шахтер», на страницах которого печатался с продолжением его роман «Шахта № 8» (о шпионах, ходоной тогда сюжет) — проба пера, кстати сказать, сыгравшая немалую роль в решении Горбатова стать писателем. Уже в ту пору он понимал: чтобы писать — надо глубоко знать жизнь тех, о ком собираешься писать, и в 1925 году пошел работать на Краматорский завод, учился на строгальщика.

В эти годы Борис писал стихи, публиковал их даже в центральных изданиях и, как правило, читал на комсомольских собраниях. Вокруг паренчика из Донбасса поднялась шумиха, которая кончилась тем, что его, как одного из руководителей объединения пролетарских писателей Донбасса «Забой», послали делегатом на Первый Всесоюзный съезд пролетарских писателей, где не только выбрали в правление ВАППа, но и избрали одним из его секретарей.

В 1926 году восемнадцатилетний поэт из Донбасса переехал в Москву «на руководящую работу» в писательской организации. Но скоро «бежал», вначале в Госиздат РСФСР — редактором, а оттуда обратно в свой родной Донбасс.

Донбасс всю жизнь был для Горбатова той питательной средой, которая обогащала его творческую энергию. Через много лет, когда победные пятилетки превратили нашу страну в могучую индустриальную державу, когда отпугнули грозные раскаты войны и закончились путешествия по разным странам, в том числе и в Японию, Борис Горбатов опять часто стал не наезжать, а месяцами жить в родном Донбассе.

«После войны он задумал большой труд — роман о Донбассе, — вспоминает Борис Галин. — Обычно с весны и до глубокой осени мы жили с Горбатовым в Донбассе, одно лето в Рутченкове на шахте «№ 2—7 Лидиевка», потом два лета подряд в поселке Гладковка».

И в 1951 году «Новый мир» начинает публиковать значительное произведение Бориса Горбатова — роман «Донбасс», в котором широко и объемно показан довоенный город-труженик, его замечательные люди. Этот роман писался в то время, когда Борис Горбатов был секретарем правления Союза писателей СССР. Болезнь, тяжкая и неумолимая, подступала к нему, а Горбатов работал над романом «Перед войной», продолжавшим «Донбасс», — главы этого романа, как и некоторые другие произведения, обнаруженные в архиве писателя, были опубликованы уже после его смерти.

Борис Горбатов был очень верным в дружбе. Он смело вступал в «драку» с любым, кто пытался сказать напраслину на его друга или на человека, которого он знал как честного, работающего, партийного. Тут Горбатов был совершенно бескомпромиссен.

Ныне есть улицы и школа, носящие имя Бориса Горбатова. Просторы рек и морей бороздят корабли, на бортах которых начертано: «Борис Горбатов».

Вспоминая Бориса Горбатова, хочется пожелать молодым литераторам следовать жизненному, творческому примеру и глубокой партийности этого замечательного писателя-правдиста.

И СТАРИННАЯ, И СОВРЕМЕННАЯ,
И НАРОДНАЯ МУЗЫКА —
ЭТОТ ОГРОМНЫЙ МИР РАДОСТЕЙ —
ВЛЕЧЕТ К СЕБЕ МОЛОДЫЕ СЕРДЦА.

ЭТОТ ТЯЖЕЛЫЙ ДЕТСТВО

Андрей ПЕТРОВ,
секретарь
Союза композиторов СССР,
лауреат Государственных
премий СССР

Шо телефону мы договаривались, что темой нашей беседы будут проблемы легкой музыки. А когда встретились, Андрей Павлович сказал:

— Может быть, моя аналогия покажется спорною, но я хотел бы оттолкнуться вот от какого сравнения. В XIX веке в авангарде искусств стояла литература. Она была главной движущей силой в духовной жизни образованной части общества. Когда родилось кино, увлечение новым видом искусства пошло в ущерб литературе. В том смысле, что время, проведенное в кино, было отнято у книги.

Сейчас, мне кажется, молодежь отдает музыке времени больше, чем литературе и фильмам. В первую очередь это объясняется тем, что научно-технический прогресс способствовал, если так можно выразиться, распространению и популяризации музыки гораздо в большей степени, чем других видов искусства. Ведь, помимо концертов, куда, как и прежде, приходит слушать музыку специально, она обязательно звучит в кинофильмах, радио- и телепередачах, сопровождает спортивные соревнования. Ей неожиданно удалось проникнуть в сферы, куда другим видам искусства вход заказан.

Например, считают, что в некоторых отраслях производства с монотонным трудом приглушенные мелодии, звучащие в цехах, способствуют повышению производительности.

Массовый выпуск качественной звукозаписывающей и воспроизводящей аппаратуры дал возможность каждому любителю музыки прослушивать в любое время те произведения, которые соответствуют его вкусу. Не будет преувеличением сказать, что сейчас человек живет в атмосфере постоянно звучащей музыки.

Это, так сказать, одна из особенностей нашего времени. Вторая характерная черта — та, что ныне в большей или меньшей степени звучат практически все музыкальные жанры, которые накопила человеческая культура за всю свою многовековую историю. Помимо симфонической музыки, которая всегда имела свой круг ценителей и почитателей, все большим признанием широкой аудитории пользуется рок-музыка. Новую волну популярности переживает классический джаз, одно время заметно сдавший свои позиции под натиском новомодных веяний. Вновь стали популярными ритмы и мелодии начала века, двадцатых и тридцатых годов. Стиль «ретро» вернул нам из забвения дикси-ленд, регтайм, танго, чарльстон, возродил мелодии, кото-

рыми увлекались в молодости дедушки и бабушки нынешней молодежи. В послевоенные годы особенно часто звучала старинная музыка XVI—XVIII веков. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов с новой силой проявился интерес к музыкальному фольклору, причем не только своей страны, своей нации, а к народному музыкальному искусству в более широком плане. Например, к восточным мелодиям, индийским в частности.

Если воспользоваться моей условной аналогией с литературой, то можно сказать, что композиторам повезло больше, чем литераторам. Спросите сейчас любого молодого человека, кого из писателей прошлого он знает, и сразу услышите произнесенные с благоговением имена: Гомер, Софокл, Данте, Шекспир. Но это вовсе не будет означать, что книги этих титанов литературы много читают. Даже Шекспира, который к нашему времени ближе всех остальных, даже его предпочитают смотреть в театре.

А вот произведения композиторов прошлого — Баха, Гайдна, Скарлатти, Монтеверди — мы слышим постоянно, даже если не идем на концерт их музыки: они звучат по радио, телевидению.

Беседу ведет специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ

ЖАЛЫ

Так что с музыкой происходит то, чего нет ни с одним другим видом искусства.—исполняется, звучит, не пылится на полках все, что накоплено человечеством в этой области: и старинные, и современные, и народные мелодии, симфонические и джазовые, в стиле «рок», «ретро», «кантри»... Конечно, не у всех слушателей это широкое многообразие вызывает одинаковый интерес, но из-за того, что все — от древнего до ультрасовременного — исполняется, живет, звучит, каждый все это слышит, знает и может выбрать себе то, что более всего подходит его вкусу.

И еще одна особенность. Чтобы прочитать книгу, сходить в кино, в театр, на выставку, нужно «выкроить» свободное время. А музыку можно слушать всегда: и за работой и на отдыхе. Музыка — это огромный мир истинных радостей, который всегда с нами.

И еще. Язык музыки интернационален. Он не нуждается в переводе. Лучшие музыкальные произведения практически одновременно становятся известными и популярными во многих странах мира. Этому способствуют опять-таки радио, телевидение, кино, международные фестивали, гастроли зарубежных ансамблей и исполнителей, наконец, международная торговля записями, лицензи-

ями на производство грампластинок. Стало вполне естественным, что у советских любителей можно встретить записи Луи Армстронга и ансамбля «АББА», а где-нибудь в Японии услышать нашу «Калинку», «Подмосковные вечера» и «Танец саблями».

— Андрей Павлович, жанровое многообразие звучащей ныне музыки, о котором вы говорили, видимо, оставляет свой след не только на слушательской аудитории, формируя ее вкус, расширяя музыкальный кругозор, но и влияет на творчество композиторов?

— Разумеется. Несмотря на обилие музыкальных жанров, они отнюдь не обособлены друг от друга. Оказывая взаимное влияние, они обогащают друг друга, укрепляют связь между собой.

Вслушайтесь в современный джаз, рок и убедитесь, как элементы и приемы старинной музыки все больше проникают в них. Пример тому — произведения модерн-джаз-квартет Брубока. В музыке нашего Таривердиева тоже можно уловить баховские интонации.

Сейчас снова в почете многие музыкальные инструменты прежних времен, которые как бы передают дух старины, дух другой, минувшей эпохи: клавишин, старинные флейты, орган, не электро, а самый настоящий соборный орган.

С другой стороны, в серьезную музыку все больше проникают элементы джаза. Так было у Гершвина в его опере и симфониях. Элементы этого же влияния чувствуются порой и в нашей симфонической музыке: у Эшпая, Кажлаева. Даже стиль «рок», который возник и набрал силу, казалось бы, совсем недавно, даже он успел воздействовать на серьезную музыку. Например, у американского композитора Бернштейна, а из наших — у латышского композитора Калныня. Его Четвертая симфония написана для классического симфонического оркестра, но с введением инструментов рок-группы и с использованием приемов рок-музыки.

— А фольклор?

— Он тоже смело вторгается в репертуар современных рок-ансамблей. Популярнейшие «Битлз» с успехом использовали интонации старинных английских мелодий и народные инструменты. Наши «Песняры» весь свой репертуар строят на народной основе. Очень часто это не чистый фольклор, а композиция в стиле «рок» на народную тему.

Я уверен, с годами этот процесс взаимного обогащения музыкальных жанров будет еще больше развиваться. И мне кажется, что на страницах «сменовского» клуба с равным уважением и равным пониманием должны быть представлены все виды музыкального искусства, причем представленные не обособленно, не в противоречии друг с другом, а в их взаимосвязи.

— Я согласен с вами, Андрей Павлович. Но, думаю, и вы согласитесь, что молодому человеку ближе все-таки легкая музыка.

— Это естественно. Серьезная музыка требует от слушателя известной подготовки, «слухового» опыта, сосредоточенности в восприятии; легкая — проще, доступнее, и к тому же она стремится передать настроение и живость молодой аудитории.

— Именно поэтому хотелось бы коснуться некоторых ее проблем. На мой взгляд, создалась какая-то непонятная ситуация. С одной стороны, каждый любитель этого жанра может в принципе слушать записи самых популярных певцов и музыкантов мира, «звезд» первой величины. Технический прогресс, о котором вы говорили, делает свое дело. Но что удивительно: рядом с высококлассной эстрадой уживается и довольно серая посредственность — с невыразительной мелодией, затертыми словами, сереньким, усредненным исполнением, когда одного певца трудно отличить от другого. Вокально-инструментальные ансамбли? Числом так много, но порою вся разница только в названии да костюмах. Количество явно довлеет над качеством. А ведь и эти маловыразительные исполнители своим мало-выразительным репертуаром формируют музыкальный вкус молодежи. Вы согласны?

— Согласен. Корень проблемы заключается в том, что спрос опережает предложение. Вот у нас, в Ленинграде, каждый вечер во дворцах культуры, клубах, на танцевальных площадках выступают десятки, а то и сотни вокально-инструментальных ансамблей. Если познакомиться с ними поближе, окажется, что лишь пять-шесть — коллективы добротного профессионального уровня, многие же — вообще за пределами искусства. Но и они успешно работают, «дают план».

На всесоюзной эстраде, на мой взгляд, дела тоже не блестящи. Прикинем: кто из наших ВИА мог бы достойно выглядеть на мировой эстраде? Три, четыре, ну пять коллективов — больше не назовешь. И это при огромном интересе к легкой музыке и огромном количестве ансамблей.

— Кого же в число «избранных» включили бы вы лично?

— «Песняры», «Орэр», «Ариэль», «Машина времени».

— Пожалуй, мой личный список тоже ограничился бы только этими коллективами. Однако предложенный вами критерий — выступление на условной мировой эстрадной площадке — слишком высок, уверен, что его «проходной балл» окажется не по плечу и большинству зарубежных исполнителей. Собственно, кого из современной зарубежной эстрады можно с уверенностью отнести к «звездам» первой величины, с кем нашим будет трудно тягаться? Все те же «АББА», «Бони М», Лайза Минелли, Демис Руссос, ну еще пять-десять исполнителей того же уровня или рангом чуть ниже — и все. Да и в прошлом та же картина: Луи Армстронг, Дюк Эллингтон, Бен Гудмен, «Битлз» — все это вершины над безбрежным морем легкой музыки среднего уровня. Чтобы убедиться в этом, нужно всего лишь посмотреть выступления гастролирующих у нас зарубежных исполнителей.

— Я был уверен, что наш разговор обязательно придет к этому: к проблеме организации у нас гастролей зарубежных артистов. Кто из перво-классных эстрадных мастеров приехал к нам за последние годы? «Бони М», Элтон Джон, оркестр Поля Мориа. И все. Причем их видела только Москва. В то же время наши великолепные кино-концертные залы переполняет зарубежная эстрада, мягко говоря, не особенно высокого уровня. Бывая за границей, я часто убеждаюсь, что ансамбли, так лихо и широко рекламируемые у нас, которым мы представляем лучшие концертные залы, у себя на родине выступают в кабаре, варьете или просто в ресторанах. И там это никого не удивляет, потому что это исполнители именно такого стиля. Отчего у нас они получают самые лучшие эстрадные площадки — для меня загадка. В принципе у организаторов подобных гастролей есть всекий довод: в стране построено много великолепных дворцов, концертных залов, их нужно эксплуатировать, выполнять финансовый план, заполнять какими-то программами. Вот и приглашают из-за рубежа середнячков, а то и вовсе любителей и с рекламой, которой они не заслуживают, запускают гастролью по всей стране. Но такое объяснение нельзя оправдать. Ибо подобный подход жестоко бьет по нам же самим: насмотревшись на зарубежных полупрофессионалов, наши исполнители того же уровня начинают мнить о себе невесть что. Они перестают критически оценивать свой труд, требуют такого же рекламного шума, которого удостоиваются их зарубежные коллеги. Ведь они действительно ничем не хуже. Это, кстати, одна из причин, почему многие наши ВИА, не поднимающиеся над средненьким уровнем, очень высокого мнения о себе.

— Что тут можно сделать?

— По-моему, необходим очень четкий и в то же время простой подход: каждый из гастролеров должен получать то, что он заслуживает, занимать место, которому он соответствует. Допустим, прекрасные группы «АББА» или «Бони М» получат самые лучшие, самые почетные наши концертные залы. Кто-то другой будет выступать на более скромных площадках. Третьи — в варьете, ресторанах, на молодежных танцевальных вечерах.

Такой мерой мы сразу сможем составить табель о рангах: это — настоящее искусство, высший класс эстрады, это — профессионально, хорошо, но обычно, а вот это исполнение полулюбительское, требовать от него многого не следует: под такую музыку лучше танцевать, чем слушать ее в концерте.

Между прочим, в слушательской практике этот процесс деления уже происходит. Ныне далеко не каждый зарубежный гастролер, даже несмотря на нашу рекламу, собирает полный зал. Истинные любители легкой музыки благодаря все тем же грампластинкам, телевидению и радио достаточно хорошо ориентируются в том, кто есть кто, и заранее знают, на кого стоит сходить, а кто внимания не достоин.

Я думаю, эту расстановку по рангам необходимо закрепить в нашей концертной практике.

И, конечно же, необходимо увеличить количество гастролей у нас лучших зарубежных исполнителей, расширить географию их выступлений. Если бы их приезжало не один-два, а десять-пятнадцать в год, то нам было бы легче поставить ансамбли более низкого уровня на место, которому они соответствуют. Да и самим будет легче разобраться в собственном хозяйстве. А то, лишившись четких ориентиров, мы порой стремимся какой-нибудь посредственный коллектив тянуть на конкурсах, популяризировать по телевидению, портим вкус зрителей, сбиваем с толку самих исполнителей.

Пока что у нас форма опередила содержание. Все это вносит путаницу.

— Если уж мы заговорили о зарубежной эстраде, то скажите, кто вам нравится больше всего и почему. В свое время вы немало потрудились в

легком жанре, и хотя сейчас ушли в серьезную музыку, мне кажется, не могли навсегда утратить интерес к увлечению молодости.

— Свою композиторскую жизнь я начинал как раз серьезной музыкой, потом действительно увлекся легкой, ну а теперь как бы вернулся к началу пути. Сообщаю это для уточнения, а не для того, чтобы отмахнуться от той части своей биографии, когда я работал в легком жанре. Как-то слушал, я вообще очень люблю легкую музыку. И когда у нас гастролируют хорошие исполнители, всегда хожу на их концерты.

— Итак, какой из ансамблей вам нравится больше всего?

— Из современных — «АББА». Я считаю, для любого эстрадного коллектива самое главное — иметь хороший репертуар, яркие мелодии. Если впервые исполненные им песни легко запоминаются, если его мелодии слушатели «уносят» с собой и рады встретиться с ними снова и в другом исполнении, то это можно считать успехом коллектива. Музыку ансамбля «АББА» можно услышать в переложении для симфонического оркестра, фортепиано. В свое время нечто подобное было с «Битлз». Такого количества популярных, исполнявшихся во всем мире мелодий, которое дал квартет из Ливерпуля, не было ни у какого другого коллектива. Никто не имел и такого числа подражателей.

На мой взгляд, это самое главное — быть самостоятельными: со своим репертуаром, своим стилем, манерой, и в то же время получить широкую популярность. Вот и «АББА» — ансамбль, давший очень много популярных мелодий.

— Сейчас очень моден ансамбль «Бони М». Каково вы о нем мнения?

— У «Бони М» много декора, антуража; звуковых эффектов, все очень ярко, экзотично. Продуманы до мелочей и аранжировка музыки, и одежда исполнителей, и эффектная манера держаться. В их выступлениях много украшательства. Даже своим поведением на сцене, декоративной стороной каждого номера они как бы хотят убедить зрителя — и, надо сказать, с успехом это делают, — что именно так выглядит праздничный карнавал на Ямайке. Хотя все это хорошо продуманное, великолепно отрежиссированное и исполненное шоу скорее всего имеет очень мало общего с настоящим народным праздником на далеком острове. Но зрителю нравится такая манера исполнения, ему приятно смотреть, а это уже очень много.

Что же касается чисто музыкальной стороны дела, то «Бони М» значительно уступает «АББА». У них нет того богатства мелодий. И, кстати, их гораздо реже встретишь в исполнении других певцов и музыкантов.

У «АББА» все проще и непосредственней: и манера держаться и характер исполнения; даже в одежде они придерживаются стиля, приближенного к стилю публики, которая их слушает. В этой естественности поведения и яркой мелодичности они точные продолжатели ливерпульской четверки. Ведь и те вели себя очень естественно и выражали это в своей музыке. Те парни иногда чуть-чуть дурачились, чуть-чуть грустили, но держались предельно естественно. Пожалуй, именно этим во многом объясняется фантастическая популярность «Битлсов» у молодежи тех лет. Они пели для своих сверстников, и пели так, что, несмотря на высокий профессионализм, этого профессионализма слушатель не замечал. Он верил простым парням на сцене, которые как бы говорили: мы такие же, как и ты, ничем не лучше, мы поем сейчас для тебя, ты и сам мог бы спеть не хуже нас.

— Разговор о «Битлз» обычно вызывает воспоминания не только об их музыке, но и введенной ими моде на длинные волосы, о шумных скандалах, сопровождавших их выступления. А теперь, когда ансамбль давно уже распался, когда каждый из его участников, работая сам по себе, не достиг тех высот, какие они покорили вместе, теперь мы с грустью говорим: увы, таких уж нет... Странно, не правда ли? Может быть, и сейчас мы кого-то недооцениваем, а пройдет время — будем сожалеть, что их век оказался столь коротким.

— Что касается творчества «Битлсов», то тут не может быть двух мнений. Их музыкальное наследие огромно, ими оставлен значительный след в развитии легкой музыки. А скандалы, акты вандализма, сопровождавшие некоторые их концерты, поклонение, доведенное до психопатии, — все это уже из другой области и не имеет никакого отношения к искусству. Но пути западной рекламы неисповедимы. Чистоган диктует моду. Потасовки с полицией и погромы во время концертов служат все тем же корыстным целям: больше шума — больше сборы. Забывать об этой оборотной стороне западной культуры не следует. Нужно только четко различать, что действительно ценно, а что наносно. «Битлз» подавали нам много замечательной музыки, а не только мужскую моду на длинные, до плеч волосы.

Что же касается недооценки некоторых современных исполнителей, то, по-моему, грешим мы как раз в другом: переоцениваем довольно скромные дарования. Но это особый разговор...

— Давайте же вернемся к нему чуть позже. А сейчас я хотел бы продолжить ранее начатую тему: кого из зарубежных певцов и исполнителей вы бы удостоили первой мировой площадки?

— Мирей Матье, Лайза Минелли, Демис Руссос, Элтон Джон. Кто-то выше, кто-то ниже, но все первые номера, признанные во всем мире мастера. Как видите, мой список отнюдь не оригинален. Чем нравятся они? Конечно же, высоким профессионализмом. Но главное — каждый из них личность.

Мирей Матье олицетворяет для меня Францию. Несколько видоизменяя, она продолжает традицию Эдит Пиаф, с чисто французским трассированием, экспрессией, эlegantностью. Исполнение французских шансонов всегда отличалось подчеркнутое внимание к актерскому началу, к тексту, склонность к речитативу, собеседованию со слушателем.

О Демисе Руссосе можно сказать, что он открыл для нас эстраду Греции. До него, если не считать Иованну, мы практически не знали греческих певцов. Руссос стал символом своей страны. Когда я слышу его песни, сразу представляю голубое небо Эллады, море, простор, юг. Вспоминаю мифического Орфея. Если французам характерен речитатив, то тут — кантилена, летящая музыка. И мелодия его мне нравится и улыбка. Его пение — радостное искусство. В нем что-то от греческой скульптуры, от спокойного Олимпа.

А вот Лайза Минелли представляет американский стиль в чистом виде. Озорное, эксцентричное, дерзкое, до совершенства отточенное мастерство певицы и танцовщицы.

Элтон Джон создает образ рабочего парня лондонских окраин. И песни его — песни улиц, пабов. Есть в нем что-то нарочито простое, начиная от его кепки, странных шаровар и сапог. Но это только найденный и убедительно играемый им образ. На самом деле Элтон Джон — прекрасный пианист, тонко понимающий музыку...

— А Том Джонс, Хампердинк, Ширли Бесси и многие другие «звезды», которых вы не назвали?

— Это уже иной уровень. Красивые голоса, красивая музыка, красивая аранжировка, красивая манера пения — в общем, все красиво. Только вот нет той самобытности, нет крупной личности исполнителя или хотя бы национального колорита. Их стиль более обычен, хотя это эстрада очень высокого профессионального уровня.

— Итак, вы цените не только мастерство исполнения, но и то, насколько сам он является личностью. Кто же из наших эстрадных артистов отвечает, по вашему мнению, такому высокому требованию?

— Из исполнителей прошлых лет — прежде всего Утесов, песни которого и манера их подачи создали целую эпоху в советской эстраде, Марк Бернес. Из современных — Людмила Зыкина, особенно ее исполнение народных песен. Когда ее выдвинули на Ленинскую премию, она давала концерт перед жюри, членом которого являлся и я. Все мы прекрасно знаем творчество этой замечательной певицы, и тем не менее даже для нас, людей искушенных, ее исполнение народных песен было откровением. Она пела их без сопровождения. Но как! С одной стороны, так, как они поются в народе, и в то же время так, как их можно петь в середине двадцатого века. Она вносит в них нечто необыкновенное, что дает песне новую окраску. Я очень люблю Э. Хиля, Л. Сенчину...

Ну и, конечно, мне нравится Алла Пугачева. Вот этого я не ожидал. Наверно, признание Петрова было для меня неожиданным потому, что мне лично исполнение Пугачевой не нравится. Со всем, что он говорил до этого, я был согласен, только поддакивал, а тут споткнулся. Переспросил. Оказывается, он не оговорился.

— Объясните, пожалуйста, почему вы так высоко цените ее?

— Просто сказать, что Пугачева певица, исполняющая очень высокие эстрадные стандарты, будет, пожалуй, мало. Чтобы моя высокая оценка ее мастерства была более понятна, я должен объяснить, какие претензии я имею к другим ее коллегам по эстраде. У нас много хороших и разных певцов и певиц. Но большинство из них... Может быть, вы замечали — во всяком случае, я за собою это замечал, — что первую-вторую песню в их исполнении слушаешь с интересом, третья производит меньше впечатление, в четвертой чувствуется повтор. А дальше становится просто скучно и однообразно. Ни очаровательная улыбка, ни пластика движений, ни хорошо пригнанный костюм, ни сценические эффекты не спасают. Их мир невелик, он весь укладывается в три-четыре песни. Долгое повторение одного и того же — бег на месте. Они эксплуатируют однажды найденный образ. Грубее сказать,

маску. В таком исполнении не чувствуется самовыражение личности певца.

— А в исполнении Пугачевой чувствуется?

— Несомненно.

— Объясните, пожалуйста, что вы вкладываете в это понятие?

— Я уже сказал о состоянии нашей эстрады, добротной, традиционной, не чреватой никакими неожиданностями. И вдруг является Алла, ни на кого из наших не похожая. Она сразу ломает сложившиеся уровни и расширяет рамки, в которых творят большинство наших певцов. Впервые, за счет более эмоционального исполнения. Ее стиль приближается к рок-пению. В нем много экспрессивности. Не только в манере пения, но и в сценическом поведении, где масса актерских приемов — от танцевальных движений до пантомимы.

Во-вторых, жанровый стиль исполняемых ею песен намного богаче, чем у других наших исполнителей. Она может петь как романсовая певица — строго, спокойно, со снятым голосом. Романсы из кинофильма «Ирония судьбы» в ее проникновенном исполнении вполне остаются весьма популярными. У нее есть песни, по исполнению приближающиеся к негритянской манере «соул» — такой исполнительный стиль. И в то же время она может петь в современной, несколько модернизированной народной манере: «Ну, приезжай хоть на денек, ну, приезжай хоть на часок».

И, наконец, третья. Пугачева пользуется очень редкими для советской эстрадной песни приемами музыкальной эксцентрики: она берет «не тот» звук, вроде бы срывается, а то вдруг ее голос напоминает голос деревянной куклы. Помните: знаменитые песни «Арлекин», «Волшебник-неудачник», «Все могут короли»?

Все это, вместе взятое, делает каждую песню Пугачевой маленькой сценой, игровой миниатюрой, которая начинается с того, как артистка выходит на сцену, как заговаривает с публикой, подходит к микрофону. Создает ощущение ее полной раскованности, будто она не думает, как будет выглядеть, не боится показаться некрасивой, угловатой, не очень эстетичной.

— Вот-вот, ее экспрессия довольно часто вступает в противоречие с хорошим вкусом, простота и раскованность переходит грань допустимого и обретает налет вульгарности...

— Согласен, согласен, порой она грешит против вкуса. Но все-таки ее эмоциональный накал, воздействие на зал — главное. Во время выступления она слишком много выплескивает своего внутреннего чувства. А известно, чем больше отдаешь, тем больше шансов, что не все будет равноценным. Но актеру, у которого есть вот такая щедрость, можно простить какие-то огрехи. А еще я многое прощаю ей за то, что она распешила несколько застоявшуюся атмосферу эстрадного искусства. Для нее главное в песне — самовыражение, раскрытие души, собственной личности.

— Вы снова вернулись к мысли: исполнитель — личность. Но согласитесь, Андрей Павлович, трудно стать личностью, не имея хороших песен. Видно, если на одном полюсе должен стоять исполнитель-личность, то на другом — обязательно композитор-личность со своей «песней-личностью».

— Совершенно согласен. Если песня от рождения бесцветна, тут — и спору нет — ничего исполнять. Но должно все-таки сделать оговорку: в последнее десятилетие исполнитель получил, может быть, несколько большее значение, чем композитор. Говорю это со всей откровенностью, несколько не обижаясь за композиторский цех и вовсе не желая снять с нас ответственность за проблемы, стоящие перед нашей песней. Просто констатирую существующий факт. Так сложилось. Сейчас модный певец или певица столь же популярная личность, как в Испании — тореадор, в Америке — профессиональный боксер-тяжеловес, в Англии — форвард национальной сборной по футболу. Они — кумиры, образцы для подражания. Телевидение, радио ввели их в каждый дом.

— Но жизнь певца не так уж легка. Сколько их промелькнуло за последние десять-пятнадцать лет! Ныне и не представляешь, куда подевались былые кумиры.

— Это одна из сложностей эстрады вообще, а песни в особенности: тут мода меняется гораздо стремительнее, чем в серьезной музыке. В серьезной привнесение новых тенденций, их развитие, обогащение происходит в течение десятилетий, в песне — в несколько лет. И для певца очень важно, оставаясь самим собой, успевать за стремительно меняющейся модой. Не учиться ее могут позволить себе только очень крупные личности. Кстати, это в равной степени относится не только к исполнителям, но и к композиторам. Пример тому — творчество Александры Пахмутовой. Оставаясь сама собой, не меняя в принципе манеру, она все

время вносит в свои новые произведения какие-то подробности, что-то меняет. Для меня она образец композитора, не очень заметно, но постоянно меняющегося и благодаря этому остающегося популярным.

Так же и исполнители. Оставаться одинаковыми в течение всей жизни—такую роскошь могут себе позволить только те, кто при жизни стал классиком. Элла Фицджеральд, например, уже десятилетия поет в своей манере, не меняясь. Созданный ею мир—это целая эпоха в эстраде. Или чудо мюзик-холла—Шарль Азнавур. Или наш Леонид Утесов. Но таких—единицы. Большинству же время не прощает топтания на месте. И победителями выходят те исполнители, которые сумели понять дух времени.

Кажется, еще Всеволод Мейерхольд сказал, что жизнь каждого театра длится всего двадцать—тридцать лет, после чего нужно создавать новый театр. Если это верно, то еще в большей степени это относится к эстраде, только мода тут меняется еще более стремительно. Можете назвать вокально-инструментальный ансамбль, который бы в течение пятнадцати—двадцати лет оставался неизменным и по-прежнему был бы лидером?

— Такого нет. «Песнярам», которых вы так высоко оценили, всего десять лет...

— И они уже достигли вершины и мало меняются. Говорю не о репертуаре, а о манере, о музыкальных идеях, которые они несут. Сумеют ли они преодолеть наступающий трудный период—посмотрим.

В свое время это же произошло с «Поющими гитарами». Почувствовав, что начинает повторяться, ансамбль ушел в рок-оперу, сменив концертную эстраду на сцену музыкального театра.

— Наверное, вы согласитесь, что менять свой почерк ВИА могут, только обновляя репертуар.

— Конечно, обновляться можно только через музыку.

— А музыка может меняться, только если будет меняться композитор. Это трудное дело—успевать за временем?

— Во всяком случае, не очень простое. Рок-музыка—такой огромный мир, настолько отличающийся от серьезной современной музыки, что требует совершенно иного творческого подхода.

В годы моей композиторской молодости был целый ряд композиторов, которые работали параллельно в разных видах музыкального творчества: одновременно писали симфоническую и эстрадную музыку. Андрей Эшпай, Арно Бабаджанян, Вениамин Баснер—могу и себя причислить к тому поколению—создавали много произведений эстрадного плана. Это не был джаз в чистом виде. Скорее это была музыка с элементами джаза, чаще всего—пьесы для эстрадных оркестров, песни. Именно на это время приходится расцвет песенного творчества Аркадия Островского, высший взлет ансамбля «Дружба». Тогда стиль эстрадной и легкой музыки, манера их исполнения, пожалуй, были более близки принципам серьезной музыки. Поэтому мы могли выступать сразу в двух ликах—«серьезных» композиторов и композиторов эстрадных. И уж если быть до конца откровенным, мы пребывали в том возрасте, когда нам были близки вкусы и увлечения молодежи.

Рок-музыка—это совершенно иная область, более далекая от жанров серьезной музыки, чем джаз. Во-первых, нынешние рок-группы используют инструменты, которых практически нет в симфонических оркестрах: например, набор несколько иных, чем в симфоническом оркестре, ударных, другой стала манера игры на них. Широко используются электромузыкальные инструменты: электроорган, электропианино, электроклавишина, синтезаторы.

Другой инструментальный разговор ведет на другом языке. Чтобы понять его, пользоваться им, его необходимо освоить, специально изучить. Происходит естественное разграничение.

Я думаю, что в наши дни композитор не может писать симфоническую, а завтра рок-музыку, при этом используя одни и те же средства, одни и те же приемы. Каждый раз он должен переключаться, зная совершенно разные системы композиции, другие инструменты, не говоря о том, что сама система сочинения в рок-музыке связана с техникой записи сложного звукового наложения, совмещения разных звуковых эффектов. Это же совершенно иной вид композиторского труда. Именно поэтому сейчас мало композиторов, которые с успехом совмещают работу в двух областях творчества, но зато появились, конечно, композиторы, успешно сочиняющие в жанре рок-музыки.

Одними из первых заявили себя в новой области Давид Тухманов, Раймонд Паулс, Александр Рыбников, Александр Журбин. А те авторы, чьи песни еще совсем недавно были столь популярными, постепенно стали уходить на второй план.

— А перестроиться на новый лад трудно?

— О рок-музыке часто говорят, что это музыка восемнадцатилетних. И это касается не только тех, кто ее слушает, ею увлекается, но и тех, кто ее пишет. Веберу и Райсу, авторам рок-оперы «Иисус Христос—суперзвезда», было по двадцать с небольшим, когда они написали ее.

Я считаю, что рок-музыка, ее стиль требуют от композитора глубокого понимания молодости, полного слияния с ней. Не искусственного, с высоты другого возраста, а именно с позиций сверстника тех восемнадцати—двадцатипятилетних, для которых пишешь. Наверное, можно быть чуть старше, но не настолько, чтобы идти в своем творчестве лишь от мастерства, знания профессии. Нужно, чтобы еще сохранились полные и подлинные ощущения молодости. Иначе вряд ли удастся стать лидером у этого поколения.

Мне показалось, что Петров сказал это с сожалением, поэтому спрашиваю откровенно:

— А вы могли бы стать таким лидером?

— В рок-музыке—нет, и совсем не потому, что мне будет трудно написать песню или цикл песен, скажем, для Александра Градского, какой-нибудь группы. В принципе сделать это можно. Но... во-первых, мне придется провести большую подготовительную работу. Что-то заново прослушать, полистать чужие партитуры, получить консультации, чтобы полностью окупиться в этот стиль. Придется на несколько месяцев обложиться пластинками, записями, справочниками, вспомнить свой опыт работы в легкой музыке. Думаю, со своей задачей справлюсь. Но несмотря на то, что я люблю рок-музыку, с удовольствием ее слушаю и стараюсь быть более или менее в курсе всех основных событий в этом жанре, я не уверен, что мой труд, потребовавший столько усилий и времени, будет попаданием в «десятку». Получится нечто, что произведет, вероятно, вполне достойное впечатление. Но вот увлечет ли это по-настоящему молодежь?... Вряд ли...

— Что вы имеете в виду под попаданием в «десятку»?

— Скажем, сделать такую же популярную грампластинку, какую записал в 1977 году Давид Тухманов—«На волне моей памяти». Рок-музыка—это огромный мир, который растет, развивается, обогащается, и чтобы в нем чего-то добиться, надо посвятить этому если не всю жизнь, то довольно большой отрезок ее.

— Как это ни странно, но порой встречаешься с мнением, что легкой музыкой увлекаются люди не особенно серьезные, что любовь к ней—дурной тон.

— Я считаю, что оценивать человека на основании его увлечений тем или иным музыкальным жанром—занятие не особенно надежное. Музыка нужно воспринимать во всем ее многообразии: от народной до симфонической, от старинной до современной. Однобокое увлечение ею, на мой взгляд, так же неправомерно, как в литературе было бы неправильно увлекаться только фельетонами и юмористическими рассказами, полностью игнорируя прозу, поэзию, драматургию. В моем представлении только тот человек гармонично развит и воистину духовно богат, который любит одинаково пусть и не все музыкальные жанры, но уж во всяком случае не один-единственный.

— Вы сказали, что в легких жанрах происходит быстрая смена моды и стилей. Значит, и нынешние увлечения переходящи. Куда придет легкая музыка, скажем, через десять—двадцать лет?

— Прогнать трудно. Но есть общие тенденции, которые уже начали намечаться и, я думаю, будут развиваться в дальнейшем. Дело в том, что развитие серьезной и легкой музыки в послевоенный период было связано с открытием многих новых средств музыкального выражения: новых звуковых соотношений, гармоний, ритмов, приемов оркестровки. Даже старые инструменты стали использоваться по-новому. Есть такие музыкальные пьесы, что, слушая их, не сразу понимаешь, на чем играют. Оказывается, нормальные скрипки, контрабасы, виолончели—самый обычный струнный оркестр. Но музыканты извлекают звуки неожиданным до сих пор способами: постукивают смычками, трут струны, играют за подставкой, там, где никто раньше не играл, во время игры спускают струны колками.

Аналогичное открытие новых технических приемов происходит в рок-музыке: раньше, чтобы добиться нового звучания, применяли три—четыре звуковых наложения—теперь в некоторых пьесах «Бони М» бывает до 15—20 наложений. Усложняются ритмы. Используются африканские, индийские музыкальные инструменты.

Поиски новых технических возможностей дошли сейчас до того предела, когда остро встала проблема, как из этого обилия средств сделать настоящее искусство, чтобы технические эффекты не поража-

ли сами по себе, а выражали идею композитора. Нечто подобное произошло в свое время с расщеплением ядра: люди долго не знали, что с этим открытием можно сделать. Постепенно человек на основе ядерного деления стал изобретать все новые и новые нужные людям вещи. Условно говоря, что-то аналогичное происходит сейчас в музыке. Нужно разобраться в обилии новых музыкальных средств. Столько придумано, что дальше уже некуда, дай бог с этим справиться, взять для каждого случая тот единственно необходимый прием, то единственно необходимое решение, которое будет способствовать глубокому воплощению идеи. Сейчас в серьезной музыке намечается тенденция идти не по пути усложнения, а наоборот—поиска более простого, скорее даже традиционного и мелодического начала.

Не случайно и в кино и в музыке моден стиль «ретро». Это своего рода реакция: после машинерии, электроники, примата ритма над мелодизмом, от которых люди просто обалдели, хочется вернуться к мелодичной и красивой музыке, к стилям, несущим музыкальную романтику и сердечность. Но, естественно, вернуться на новой ступени. И композиторы, которые работают в стиле «ретро», там, где это нужно, применяют и электронику и современные ритмы. Прежнее мелодическое начало, красота и напевности соединились с новомодными приемами.

Мне кажется, дальнейшее развитие и серьезной и легкой музыки будет идти не столько по пути открытия каких-то новых необычных приемов звуковывлечения, поиска каких-то новых звуковых соотношений,—хотя, конечно, и этот процесс будет продолжаться,—сколько по пути освоения огромного богатства уже сделанных открытий, использования их с максимальным художественным и эстетическим результатом.

Рассказывают, что, когда Пикассо спросили как-то о творческих поисках, он ответил: «Меня не интересуют поиски, меня интересуют находки».

Вот и я думаю, что ближайший период в творчестве музыкантов будет характеризоваться их стремлением к находкам, так как поэкспериментировали они достаточно.

— В заключение я хотел бы вернуться к началу нашего разговора. Может быть, я неверно вас понял, Андрей Павлович, но в тоне ваших слов я уловил определенное недовольство повальным увлечением молодежи вокально-инструментальными ансамблями. Что же плохого в том, что в вузах, школах, ПТУ страны организуются ВИА?

— Это палка о двух концах. Конечно, хорошо, что молодые пары пытаются сами исполнить то произведение, которое им нравится. Они начинают изучать гитару, электроорган, ноты; пусть им самим удастся освоить всего с десяток произведений, но за это время они прослушали, просмотрели десятки и сотни произведений советских и зарубежных авторов; и это приобщение к музыке, знаниям, конечно, положительное явление.

Но с другой стороны, невысокое мастерство ведет к упрощенному репертуару. Простенький рок, дешёвые шлягеры коммерческого порядка, занятие только тем, что под стиль, погружают исполнителей в какую-то ограниченную, наиболее примитивную рок-музыку. Их невысокие исполнительские возможности ограничивают возможность художественные, заставляя стабилизироваться на довольно низком уровне и их вкус. Ибо в своем выборе они менее свободны, чем человек, который, предположим, совсем не играет ни на гитаре, ни на каком-либо другом инструменте и воспринимает музыку без каких-либо ограничений, лишь бы она нравилась. А эти волей-неволей относятся к музыке через свою собственную маленькую музыкальную практику. И то, что не соответствует их возможностям, нередко отвергается. Они застряли на своем уровне, не двигаются дальше и воспринимают все остальное только с точки зрения собственного примитива. Тиражированные в тысячах экземпляров подобные ВИА своим невысоким мастерством только портят вкус слушателей.

Оторвавшись от простого любительства, но так и не достигнув высокого профессионального уровня, они оказываются в опасной для самих себя зоне. Большое самомнение и очень ограниченные собственные возможности—такой разрыв служит дурную службу, вызывает критическую реакцию. Им никто не нравится.

Вместе с тем у нас есть ансамбли, участники которых, не являясь музыкантами по профессии, тем не менее не уступают в мастерстве лучшим профессиональным коллективам. Это истинные «фанаты» легкой музыки, отдающие любимому жанру много сил и времени. Было бы наивным призывать все любительские ВИА брать с них пример. Но одно ясно: легкий жанр—очень трудное дело. Достичь успеха в нем можно только через труд и пот. Как, впрочем, и в любом другом деле.

ЧЕРНАЯ БИАНКА

ПОВЕСТЬ

Инизеро КРЕМАСКИ

Перевод с итальянского
Екатерины БОЧАРНИКОВОЙ

11

— Джузеппе Марини,— говорю я,— достойный представитель полиции нравов, я не видел тебя тысячу лет.

Уже года два, как я потерял его из виду, и теперь рад встрече. С опущенной головой он прохаживается по тротуару перед «Белым гусаром», одет в штатское, брюки пузуются на коленях. Джузеппе улыбается, спрашивает меня о здоровье, о карьере, о себе говорит, что его освободили от обязанности участвовать в ночных облавах. Я рассказываю об убийствах. Он смотрит на меня широко раскрытыми голубыми глазами.

— Джулиано Люлья был твоим другом? Джузеппе обещает мне всевозможную помощь, снова жмет руку, видно, что он расстроган.

... Спускаюсь в ночное кабаре. Отыскиваю Анджелу в укромном углу за выступом стены. Она не одна, рядом блондин, встречающий мое появление кривой улыбкой.

— Камилло Сандри,— знакомит нас Анджела.— А это Стефано Платани.

Я представлял его себе типом из богатейшей галереи сицилийской мафии, а он, оказывается, похож на студента, изучающего философию.

— Камилло? Я столько слышал о тебе, что мне кажется—мы уже давно знакомы.

Появляется стайка девушек в мини-юбках, одна подносит мне рюмку, я оборачиваюсь, гляжу на бледное личико.

— Я знаю тебя,— говорит она.— Ты полицейский, друг Джулиано. Меня зовут Лаура.

Я тоже узнал ее по карточке, где она водит хоревод вместе с Сабину и Анджелой. Я спрашиваю, была ли она близкой подружкой Сабини, но Лаура прерывает меня, смеясь:

— Ты с ума сошел? Ты должен называть меня на «ты», Камилло.

— Ты была подружкой Сабини?

Стефано обхватывает одной рукой плечи Лауры, другой талию Анджелы. Они уже отбросили мой первый вопрос. Лаура болтает без умолку что-то совершенно бессмысленное, одновременно пьет, гладит по голове Анджелу, осыпает комплиментами Каприче, которая подходит к нашему столику, спрашивает, читали ли мы сегодняшние газеты. Лаура оборачивается ко мне, треплет меня по щеке. Анджела молчит, постукивая красным ногтем по бокалу.

— Привет папаше Рикке.

Откуда-то появляется изысканно одетый мужчина лет пятидесяти, и все, кроме Анджелы, действительно кричат, как дети, увидевшие Санта-Клауса. Лаура считает своим долгом представить его мне:

— Паоло Рикка, бывший боксер-любитель, бывший участник автомобильных гонок, а теперь самый очаровательный инженер Общего рынка.

— Вы любите машины?— спрашиваю у инженера.

С высоты своего роста—как пить дать метр девяносто с лишком—он несколько раз утвердительно кивает. Вмешивается Бианка-Каприче:

— Вы мне так и не ответили, знаете ли вы новость? У кого-нибудь есть вечерняя газета?

— Не думаю, что она говорит о рубрике преступлений.

— Настоящий детективный роман, говорю я вам. Жерар Ларусс, претендент на первое место, что бы там ни говорили, сломал колесо и должен был

выйти из игры. Никто не пострадал, но от плит, оказавшихся перед его машиной, за мило несет злодеянием.

— Хочу надеяться, что он подаст жалобу,— говорит с очаровательным спокойствием Паоло Рикка.

— Вам нравятся машины?— спрашиваю у Бианки.

— Она заразилась этим от инженера,— объясняет Лаура.— А вот и Ренато,— протягивает она голую руку в сторону подошедшего к нашему столику бухгалтера.— Ренато, вышей с нами прежде, чем погрузиться в свои гротесбухи.

Поворачиваюсь, чтобы лучше рассмотреть нового человека.

— Ренато Кастелли,— знакомит нас Лаура.— А это Камилло Сандри, мой новый ухажер.

Я уверен, что уже встречал его в банке, так и вижу его, считающего деньги, примерный бухгалтер, создающий свою профессиональную ответственность. Стефано берет бухгалтера под руку и уводит к раковине оркестра для короткого конфиденциального разговора.

Приходится снова подняться, чтобы позвать руку еще одной персоны, я прошу повторить имя, чтобы лучше запечатлеть в памяти: Себастьяно Босси, обладатель огромной расплывшейся туши, а по профессии—техник рекламы, бизнесмен, коммерсант.

Лаура продолжает разыгрывать роль гид-чицере.

— Если он захочет, то в течение трех месяцев сделает тебя популярным в любой области: кино, театра, колбасных изделий, полиции. Я тебе нравлюсь, Камилло?

Сиреневая вспышка обрывает дежурные излияния Лауры—это зажглись все лампочки кабаре, музыканты рассказывают на эстраде, украшенной красными розами. Пять юношей, одетых а-ля Робеспьер, берут сверкающие музыкальные инструменты. На нашем столе появляется еще одна бутылка, а в зале—первые посетители.

Клодет уводит Анджелу и Лауру, Стефано садится рядом со мной, Ренато Кастелли скрылся через замаскированную дверь. Кто-то танцует в сиреновом полумраке, различая мордочку Лауры и рыжую клодету. Анджела исчезла. Стефано качает головой в такт музыке. Меня пугает его равнодушие к происшедшей драме.

— Франко Питталуга не придет?

— Ты со многими здесь познакомился.

— Даже слишком. Все эти новые лица сбивают меня с толку. Себастьяно Босси—посетитель или акционер?

— Акционер чего?

Грохот оркестра заглушает голоса. Стефано протягивает мне портсигар. Пытаюсь открыть его, ничего не получается, золотые вещи всегда приводят меня в смущение.

— Не старайся, можешь оставить себе.

— Ты с ума сошел! У тебя нет никаких оснований делать мне подарки.

— Он стоит семьдесят долларов, вот тебе и все основание.

Портсигар остается на столе между мной и Стефано, разноцветные лампочки отражаются на его поверхности. Я откашливаюсь, обвожу взглядом зал с видом дельца, позволяющего себе небольшое развлечение.

— А Виери?

Я уже готов снова увидеть улыбку на лице у Стефано, но на этот раз он разражается хохотом и показывает мне незнакомца, который в центре зала танцует с облаком из перьев.

— Его зовут Инноченце Орио, спирт и медиум,

правая рука Питталуги. Поиду поздороваюсь с ним, у меня имеются здесь кое-какие обязанности.

Остаюсь один. Но ненадолго: подсаживаются Кастелли и Босси. Я пытаюсь разглядеть на лицах моих новых знакомых стигматы преступника. Улыбаюсь, стараюсь завоевать их симпатию, обсуждаем внешность девушек в зале; не спрашиваю их об Эрнесто, где он теперь, все ли еще в Градо принимает песчаные ванны, лучше узнать их мнение о Сабине. Убийца обычно нервничает, когда они слышат имя жертвы. Себастьяно и Ренато даже глаз не опускают, спрашивают, понравилась ли мне Лаура. Отвечаю отрицательно, снова перевожу разговор на Сабину, настаиваю на своем, даже рискуя совершить ошибку.

— Сабина,— говорит Босси.— Бедная Сабина!

— Она была довольна своим положением или стремилась к большему?

— А кто не стремился?

Они осторожны, ходят вокруг да около, а мне оставляют роль неотесанного мужлана, любопытствующего у аквариума с золотыми рыбками.

Лаура приглашает меня великосветским жестом, начинаем танцевать, и я задаю ей тот же вопрос о Сабине.

— Ты еще не сказал мне, что я тебе нравлюсь. Я забыл, что меня здесь считают посетителем, которого надо не только развлекать, но еще и контролировать. Лаура выполняет приказ Бианки.

— Хочешь поиграем?— спрашиваю я.— Как ты считаешь, убийца находится здесь?

Сеньор с седеющей шевелюрой уводит от меня Лауру. Я смотрю на его уши, прижатые к черепу, уши боксера или борца; знаю, что он агент, замаскированный под посетителя ночных заведений, но танцует хорошо; издала он подмигивает мне. В «Белом гусаре» я становлюсь популярной особой.

Стефано, щедрый друг, вернувшись к нашему столику, притворяется пьяным, угощает каким-то шипучим напитком.

Подвожу итоги: все мною опрошенные хорошо относились к Сабине и оплакивают ее смерть. То же самое по отношению к Джулиано. Их добросердечие смущает меня. Последний удар наносит мне Босси:

— Мне кажется неэтичным все время возвращаться к разговору об умерших.

Мне не приходится платить; обо всем позаботился Стефано.

Вывеска над входом еле заметна в утреннем тумане. Трое полицейских в штатском прогуливаются по тротуару. Джузеппе прощается со мной легким движением пальцев.

Выходит Анджела со своей «косметичкой». Я вышел слишком много шампанского, а туман спускается, я пытаюсь заглянуть в глаза подружки Джулиано: она не создана для ночной жизни, я убежден, что она попала сюда по ошибке, строю предположения, как это могло случиться. Не в состоянии разрешить ребуса, лезу в карман за носовым платком, чтобы вытереть вспотевшие ладони. В кармане у меня лежит коробочка—портсигар Стефано.

— Я понял, что ты невиновна, Анджела. Но убийца был там. На виду у всех. Опознавший его получит премию. Тебя не интересует премия?

— Ты быстро пьянеешь.

— Виноват твой друг Стефано.

— Но ведь ты почти ничего не пил.

— Виноват он, я могу это доказать. Видишь портсигар, Стефано хочет подкупить меня, он что-то скрывает.

— Стефано любит делать подарки.

— Это он убил Сабину.

— Не говори глупостей. Проводи меня в гостиницу.— Она сейчас же меняет тему разговора.

— А почему, кстати, вы тогда не пошли с Джулиано? У вас и чемоданы были уложены.

— Мы заказали номер со следующего дня.

— До которого оставалось лишь несколько часов.

— Идем, мне не нравится стоять тут, на тротуаре.

12

В тот же день я выкладываю содержимое чемодана Джулиано на стол и начинаю тщательный осмотр. Беру каждый рисунок, осматриваю его с обеих сторон, проверяю, нет ли подклеенных листов, смотрю на свет. Через полчаса три четверти содержимого отложено в сторону—проверка не дала результатов: наброски и акварели, письма, открытка, посланная мною три года назад из Алассио. Продолжаю перебирать: копии трудовых соглашений, письмо с уведомлением об увольнении, фотография Сабини, вот и все.

Интерес представляет записная книжка. На обратной стороне обложки записано карандашом название одной из центральных гостиниц и номер телефона, не соответствующий району, где находится гостиница: первые цифры показывают, что

Рисунок
Аллы
СОЛОВКИНОЙ

телефон установлен совсем в другом месте, на окраине города. Набираю номер, отвечает мужской голос.

— Попросите к телефону сеньора Виери, — изо всех сил стараюсь изменить интонацию.

— Кого? — переспрашивают на том конце провода и тут же весело восклицают: — Камиллоне, что у тебя хорошенького?

— Только одно: могу с полным правом обвинить тебя в попытке подкупа.

— Так почему ты этого не делаешь?

— Хочу сначала обменяться с тобой мнениями, но на этот раз без свидетелей.

— Хотя сейчас. Если хочешь, чтобы нам не мешали, приходи ко мне в гостиницу.

— Предпочитаю встретиться там, где ты сейчас находишься.

— Я в гостинице.

— Ты просчитался на этот раз, Стефано. Телефоны с номерами на 70 принадлежат к зоне Ламbrate. А именно в эту зону по чистой случайности вы перенесли труп Сабини.

— Что значит: вы перенесли? Я ничего не переносил.

Предпочитаю не задавать больше вопросов, устремляюсь вниз по лестнице, чуть не забыв запереть дверь комнаты, сажусь в машину, еду в указанную гостиницу.

По дороге останавливаюсь, набираю из автомата тот же номер. Отвечает не Стефано, а в трубку кричит женский голос:

— Кто говорит? Кого вам надо? Здесь никого нет! Начинаю расставлять ловушки:

— Мне нужен Платани. Нужен Виери.

Женщина у телефона — старуха уборщица.

— Сабина Сирна там?

— Не знаю такой.

— Джулиано Люльи?

— Но ведь Люльи умер на лестнице дома, где живет невеста...

Она обрывает фразу на полуслове, спешу подсказать:

— Анджела Феррари?

— Ничего не знаю, — и кладет трубку.

Чья же невеста Анджела, если не Джулиано? Было бы совершенно необходимо заглянуть в таинственный дом, заставить женщину выложить

все, что ей известно, перед удостоверением агента полиции она не станет артачиться. Но сейчас я должен увидеть Платани.

Он ждет меня в холле, растянувшись в удобном кресле, даже не поздоровавшись, предлагает мне рюмку виски.

— И, пожалуйста, покороче. Не люблю длинных разговоров.

— Джулиано служил у супругов Виери?

— Нет. Он работал на меня.

— Какой вид работы?

— В качестве представителя ювелирной фирмы.

— Сколько он зарабатывал в месяц?

— Двести тысяч.

— Какая связь между ювелирными изделиями и кабре?

— В «Белом гусаре» завязываются хорошие знакомства — люди с чековой книжкой в кармане и женой, гнев которой надо смягчить подарком.

— Виери имеют процент от твоих коммерческих сделок?

— Нет. Их интересуют посетители, которых мы к ним приводим.

— Приводишь посетителей в кабре и облапошиваешь простофилю.

— Все это дозволено в нашем мире.

— Почему его убили?

— Думаю, что он присутствовал во время ссоры Сабини с одним типом, имени которого я не знаю.

— И подозревать некого?

— Вот именно.

— Иначе говоря, можно подозревать кого угодно.

— Нет. Мы исключаем физическое насилие.

— Объясни.

— Мы ищем для себя клиентов.

— По причине коммерческой конкуренции людей не убивают.

— Мне кажется, что Сабину и не собирались убивать. Скорей всего она упала...

— С лестницы дома, где жила?

— Да, с лестницы.

— Причина ссоры?

— Откуда мне знать? Мне своих дел хватает.

— Обычная экспортно-импортная фирма?

— Франко Питталуга импортирует часы, драгоценные камни, бриллианты.

— Занимаясь при этом контрабандой?

— Я у него не спрашивал. Он покупает за границей, а мы продаем в Италии. Получаем за это проценты.

— Я нашел записку Бианки Виери, адресованную Джулиано. Там есть такая фраза: «С. может взять себе небольшой отпуск, но ты нет». Что это значит?

— Ничего подозрительного. Я поставляю посетителей и в другие ночные заведения. Это было обусловлено с самого начала, иначе я не стал бы работать на Виери. Джулиано был новичком, у него была договоренность только с «Белым гусаром».

— Так у него была договоренность?

— Да. Об этом ему и напоминала Бианка.

— Джулиано удавалось приводить посетителей?

— Без Анджелы ему ничего не удалось бы.

Мне нравится откровенность Стефано и отсутствие комментариев. Мысленно подсчитываю, сколько басен рассказал он мне за десять минут. Решаю продолжить разговор.

— Почему убийца перевез тело Сабини далеко от дома, где она жила, то есть от места, где было совершено преступление? Было бы логичнее оставить его там, версия несчастного случая была бы правдоподобнее.

— Понимаю. Скрытие трупа породило предположение об убийстве.

— Ну и как?

— Не знаю.

— Я уверен, что ты все знаешь, включая имя преступника.

— Из полиции меня отпустили, попросив извинения.

— Для меня ты — подозреваемый номер один.

Стефано сохраняет спокойствие, улыбается и заказывает вторую порцию виски. Я кладу перед ним портсигар.

— Возвращаю тебе.

— Не нравится?

— От него дурно пахнет.

— Мне нравится делать подарки. И друзьям и врагам.

— Что ты подарил Джулиано?

— «Ягуар». Конечно, подержанный. Машина мне надоела.

— А Сабине?

— Жемчужное ожерелье.

Не верю ни одной запятой его рассказа и говорю ему об этом, передавая из рук в руки портсигар.

— Не хочешь чувствовать себя настолько обязанным? Я подарю тебе зажигалку.

— Не стоит труда. Послушай еще раз. По причине коммерческой конкуренции людей не убивают.

— А почему бы и нет? Деньги циркулируют с трудом. Достаточно, чтобы в любой части света

Лауреаты премии Ленинского комсомола

Юрий ЛАПИН
Фото Юрия УСТИНОВА

Доклад он читал на английском. Уже сойдя с трибуны, щетинившейся множеством микрофонов, был несколько ошарашен реакцией ведущего секции профессора Диксона. Тот счел необходимым обратиться к аудитории:
— Сейчас нам было доложено о том, что...

И повторил, опять же на английском, основные положения доклада Анатолия Клесова.

Он слушал краткий пересказ собственного выступления и утешал себя тем, что раз Диксон кое-что понял, то могли понять и некоторые другие участники заседания. Впрочем, через несколько минут — в перерыве — выяснилось, что председательствующий выполнял свои обязанности слишком уж прилежно. А вот тема доклада явно заинтересовала участников VII Международного симпозиума. И они засыпали коллегу вопросами, не обращая внимания на мальчишеский вид докладчика.

Вчерашний студент делает доклад на Международном симпозиуме. Факт сей, конечно же, не уникальный, но и тривиальным его не назовешь. И, право же, наверняка рисковал Илья Васильевич Березин, научный руководитель Анатолия, благословляя своего

ученика на выступление перед столь уважаемой аудиторией.

Когда впервые приметил Илья Васильевич напористого паренька? Когда тот, только-только став студентом, пришел проситься «на ферменты»? Или когда Анатолий совершенно нахально забрался в его кабинет, набрал со стеллажей книг, уселся за стол и стал их читать?

Читал увлеченно, не видя ничего зазорного в своем поступке, настолько демократичным показался ему профессор. Но некоторое время спустя в кабинет заглянул Андрей Левашов — студент не какого-то там второго, а уже четвертого курса. Заложив руки за спину, стал ходить по кабинету, всем видом демонстрируя крайнюю степень возмущения. Анатолий счел благоразумным не отрывать глаз от книги. Первым не выдержал Андрей. В доказательство бестактности своего младшего коллеги он привел совершенно убийственный аргумент, суть которого заключалась в том, что даже студенты четвертого курса не часто позволяют себе заниматься в кабинете заведующего отделом.

Вполне возможно, что отголоски конфликта дошли до Ильи Васильевича. Во всяком случае, он нашел выход из ситуации чисто березинский: превратил кабинет в нечто среднее между клубом, читальным залом и телефонным переговорным пунктом. Всех это вполне устраивало, и только когда там становилось особенно уж шумно, Анатолий укорял себя: может, с его легкой руки резиденция шефа стала проходным двором?

О чем только не говорили во время импровизированных сборов в том кабинете! Но, конечно же, чаще всего о ферментах. Разработка новых методов анализа кинетики ферментативных реакций и составила дипломную работу Клесова. После окончания университета (кстати, диплом у него с отличием) Анатолий был распределен на работу в отдел биокинетики

межфакультетской лаборатории биоорганической химии МГУ, которую возглавлял профессор Березин. То есть знакомиться с новым коллективом ему не было нужды — Анатолий давно стал там своим человеком.

С конца шестидесятых — начала семидесятых годов ферменты стали весьма модными. Всемогущими и чудодейственными называли их научно-популярные книги и журналы. С ферментами начали связывать создание новых лекарств и искусственной пищи, продление жизни. Огромный химический комбинат мог превратиться в небольшую лабораторию и выпускать не меньше продукции — заставь только ферменты работать на человека. В чем же сила ферментов?

Даже у людей, основательно забывших курс школьной химии, наверняка хотя бы на задворках памяти застряло слово «катализатор». Вот определение этого слова: «Катализаторы — вещества, изменяющие скорость химических реакций посредством многократного промежуточного химического воздействия с участниками реакций и не входящие в состав конечных продуктов».

Но, к счастью, часто прозаичность определения не заслоняет сути чудесных свойств. Роль катализатора — это палочки-выручалочки в том случае, если вещества или вообще не хотят реагировать друг с другом, или вступают в реакцию столь неохотно, что никакого терпения не хватит дожидаться результата, — весьма щекотлива: надо принять участие в химическом процессе, ускорить его, а самому «выйти сухим из воды», то есть остаться неизменным. Катализаторы это прекрасно умеют делать. Вряд ли большая химия вообще могла бы существовать без катализаторов: девяносто процентов всех химических превращений на современных заводах осуществляется с их помощью.

Вещества аналогичного назначения есть и в живых клетках. Их называют биокатализаторами — ферментами.

СТУДЕНТЫ ХИМФАКА
АКТИВНО УЧАСТВУЮТ
В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
РАБОТЕ.

МНОГОВАЛЕНТ

НОСТЬ ТАЛАНТА

ДО ПОЗДНЕЙ НОЧИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ РАБОЧИЙ ДЕНЬ МОЛОДОГО УЧЕНОГО.

го вещества, в единственном направлении. Другое свойство не менее удивительно — биокатализаторы умеют увеличивать или уменьшать свою активность в зависимости от потребностей организма.

То, что ферменты — вещества белковой природы служат естественными катализаторами, известно науке добрых полторы сотни лет. Давно ушло в область преданий поэтическое название «жизненная сила». Исследователи стали обращаться с ферментами без благоговейного трепета, основанного на их якобы божественном происхождении.

Но как все-таки они работают?

Полагали, что загадка будет решена, стоит только узнать, как этот самый фермент устроен. Узнали. Еще в двадцатых годах нынешнего века выделили его в чистом виде. Потом полностью расшифровали структуру десятка с лишним ферментов, построили их пространственные модели, синтезировали первый искусственный биокатализатор.

Но... как разгадка «секрета жизни» не была заключена в разгадке структуры белка, так и объяснить действие ферментов оказалось гораздо сложнее, чем установить их строение. И правда, глядя на человека, разве скажешь, как работают его органы зрения, слуха, дыхания. Хоть рентгеном его просвечивай — вряд ли это поможет установить, почему он видит, слышит, дышит.

Хотя победы были. Самая крупная из них, когда убедились, что к ферментативному катализу применимы законы и принципы, на которых основаны химические реакции, идущие с помощью обычных катализаторов из мира неживой природы.

Что ж, человечество получило еще одно злегантное доказательство материалистического происхождения жизни, наука о ферментах сделала новый, подлинно революционный в своей области шаг вперед.

И все-таки... в механизме работы катализаторов небиологических достаточно своих загадок. А цифра «в миллион раз быстрее» (не говоря уже о других уникальных свойствах) не давала покоя. Практики подталкивали теоретиков: как работают ферменты?

В середине нынешнего века в энзимологии (ферменты — иначе энзимы) начался новый этап: в эту отрасль науки пришла физическая химия. Исследова-

ЛЕКЦИИ АНАТОЛИЯ КЛЕСОВА ПОЛЬЗУЮТСЯ НЕИЗМЕННЫМ УСПЕХОМ У СТУДЕНТОВ ХИМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ.

АНАТОЛИЙ КЛЕСОВ СО СВОИМИ АСПИРАНТАМИ НГУЕН ВАН ВЬЕТОМ (СРВ) И НАДЖЕМИ БУБЕКЕРОМ (АЛЖИР).

Свыше десяти тысяч различных химических процессов непрерывно идет в теле человека. И все химические реакции не могли бы происходить с нужной для живых организмов скоростью, если бы в ходе эволюции не возникли механизмы их ускорения с помощью ферментативного катализа. Вот простой пример. Человеку для поддержания своей жизнедеятельности необходимо усвоить столько пищи, которая при своем полном распаде (до углекислого газа и воды) даст около двух тысяч килокалорий тепла. Цифра, кстати, немалая — такого количества тепла достаточно, чтоб довести до кипения пару ведер воды. Давайте для простоты рассуждений упростим свой рацион. Ничего страшного, если один день мы посидим на сахарной диете. Полукилограммового пакета вполне достаточно — он обеспечит нужное количество калорий и окислится в организме за одни сутки. Конечно же, с помощью ферментов.

А не будь их?!

Если то же количество сахара растворить в сорока литрах воды (приблизительно столько ее содержится в человеческом теле), то в течение суток полного окисления можно добиться при температуре не меньшей, чем сто сорок пять градусов. Вполне подходит

для гипотетических жителей Венеры или Меркурия. Но что делать нам с вами, если при понижении температуры процессы окисления всех органических веществ резко замедляются? Кстати, какая у вас сегодня температура? Тридцать шесть и семь? Тогда придется ждать десять тысяч лет. Многовато.

Итак, десять тысяч лет и одни сутки. Несложный подсчет — и вывод ошеломит впечатляющей круглой цифрой: благодаря ферментам процесс окисления сахара в организме протекает в миллион раз быстрее, чем при той же температуре в водном растворе.

Да, природа обладает поистине гениальными конструкторскими способностями, когда в процессе эволюции создавала сверхэффективные катализаторы процессов обмена веществ. Причем она наделила ферменты не только высокой (говоря скромно) производительностью труда, но и другими весьма замечательными свойствами, которые и не снились катализаторам небиологическим.

Одно из них ученые назвали специфичностью. Это не что иное, как способность каждого фермента катализировать превращение строго определенных биологических субстратов, иногда лишь единственно-

тели стали склоняться к выводу, что ответ на интересующий и науку и практику вопрос даст изучение кинетики реакций ферментативного катализа. И в изучение биологических объектов на молекулярном уровне внесли количественные измерения.

Дело пошло вперед. Даже самое сложное — регуляцию, то есть способность фермента откликаться на потребности организма, стало возможным объяснить шунтированием, блокированием, обратной связью — обычными понятиями из области физической химии.

В нашей стране это направление возглавил член-корреспондент АН СССР Илья Васильевич Березин.

За год до войны у выпускника средней школы Березина научных титулов было, естественно, поменьше. Точнее, всего один — победитель Всесоюзной химической олимпиады. Этот титул давал право преимущественного поступления на химфак, но он подал документы и выдержал конкурсные экзамены в Московский авиационный институт, в знаменитый МАИ.

Время было такое — грозное, предвоенное. И хи-

ПЕРЕКРЕСТОК «СНЕГИРЕЙ»

ТРИСТА КИШИНЕВСКИХ ШКОЛЬНИКОВ ОБЪЕДИНЕНЫ В ОСОБЫЙ ДИВИЗИОН ЮНЫХ РЕГУЛИРОВЩИКОВ ДВИЖЕНИЯ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО.

Светлана СПИРИДОНОВА
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Я хочу посещать детскую школу милиции!

Это сообщение сына (а в особенности дочери) поначалу вызывает самую разную реакцию в домах кишиневских школьников. Одни родители оторопело спрашивают:

— Ты что, ничего интереснее не нашла?

Другие, услышав такое заявление, настраиваются на явно иронический лад:

— Ты уж в случае чего отца родного не оштрафуй!

Третьи просто разводят руками: блажь какая-то напала, поди ж ты...

Официальное название этой детской организации, объединяющей триста кишиневских школьников, — особый дивизион юных регулировщиков движения имени Ф. Э. Дзержинского. Существует дивизион девять лет, и у него уже есть и неофициальное название, которое дали бойцам дивизиона кишиневцы: «снегири». Возможно, причина этого ласкового прозвища — в красивой форме: яркие

«СНЕГИРИ» НА ПРАКТИКЕ ПОСТИГАЮТ ПРЕМУДРОСТИ ДОРОЖНЫХ ПРАВИЛ.

шинели с красными ромбами и золотыми аксельбантами, белые перчатки, белый пояс.

На вооружении у «снегирей» не только свистки, но и все, что необходимо для несения службы и для учебы: стационарная и четыре переносные портативные радиостанции, видеомагнитофон, два телевизора, один из них цветной. В их дивизионе не так давно «прописался» и еще один боец — механический робот. Красавец в милицмейской форме читает детям лекцию о правилах уличного движения (в это время идет одновременно учебный фильм), выполняет различные команды.

Скоро в штабе дивизиона смонтируют телекамеры, и отсюда можно будет наблюдать, что происходит на улице.

В каждом деле должен быть смысл. Чем же руководствовался организатор этой детской школы милиции кишиневский врач Михаил Александрович Рупа, когда приступил к созданию дивизиона «снегирей»?

Конечно, как человек, любящий детей, опытный автомобилист, он прежде всего думал о том, что все малыши, все подростки должны знать правила дорожного движения, уметь ориентироваться в сложной транспортной обстановке города и как можно реже попадать в неприятные аварийные ситуации. Этот отправной момент подсказывал и

сферу приложения сил: учить детей правилам дорожного движения, как это делают во многих других городах.

Но сегодняшняя организация учебы в кишиневской школе существенно отличается от простейшей схемы. Да, бойцы дивизиона должны знать дорожные правила, как таблицы умножения. Только после прохождения технического минимума им выдается форма, и они получают право выходить на пост. Но, кроме того, они сами ведут практические занятия по правилам дорожного движения в детских садах, в начальных классах школ. Ученики 8—10-х классов изучают авто- и мотоцикл, самостоятельно водят машины.

А вот секции, которые посещают бойцы дивизиона: стрельба из винтовки, из пистолета, самбо, дзюдо, каратэ, вольная борьба, бокс, фехтование, плавание, легкая атлетика, волейбол, футбол, баскетбол, конный спорт, автodelo, фотodelo, киноделo, радиodelo, собаководство, прыжки с парашютной вышки, изучение азбуки Морзе. То, что милиционер должен быть человеком выносливым, смелым, сильным, не сомневается никто. Но, кроме силы, смелости, выносливости, милиционер должен обладать рядом других важных достоинств: быть добрым, культурным человеком, психологом, знающим закон, и даже немного доктором...

Из этого и исходили в Кишиневе, строя программу обучения в новой детской школе. Конечно, никто не предполагает, что все эти ребята пойдут на службу в милицию. Лишь часть, и скорее всего меньшая, изберет этот путь, эту нелегкую профессию. Но то, что дети получают здесь, пригодится каждому.

Дети любят покровительствовать малышам, животным. В этом проявляется прекрасное свойство их души: защитить слабого, уберечь несмышляныша. На посту их задача так и обозначена: особое внимание — детям. Или, говоря привычной в дивизионе терминологией, — уменьшить детский транспортный травматизм.

Как-то, года три назад, Михаил Александрович спросил бойцов своего дивизиона:

— Какой цвет вызывает в сознании водителя сигнал «внимание»? — И тут же сам ответил: — Яркий, резкий, как ваши шлемы, красный. А что, если мы закажем на фабриках воротнички-пелеринки и береты ярких тонов да еще попросим пропитать их специальным светящимся составом? Их должны иметь все малыши города.

— Мы закажем? Кому? И сколько?
— Заказать надо не менее 15 тысяч комплектов, и, конечно, одно предприятие с нашим заданием не справится. Придется решать эту проблему на уровне Министерства легкой промышленности.

Первая реакция: «А сможем ли мы?» Вторая: «А ведь интересно!» И бойцы дивизиона свое согласие дали. А вот товарищи взрослые не спешили. Их реакция поначалу была изумленно-оборонительной: «А кто вы такие?»

Но вот первый визит к заместителю министра легкой промышленности Молдавской ССР, второй... Штаб внимательно слушает Михаила Александровича:

— Одной фабрике уже дан заказ на три тысячи

ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ МИЛИЦИИ УДЕЛЯЮТ СВОИМ СВЕРСТНИКАМ.

**ВЕРОЯТНО, ИЗ-ЗА ЯРКОЙ, КРАСИВОЙ ФОРМЫ
БОЙЦОВ ДИВИЗИОНА
ЛАСКОВО НАЗЫВАЮТ «СНЕГИРЯМИ».**

комплектов. Надо уговорить директора выпустить больше, раз уж изделие поставлено в план и на поток. Замминистра обещал «пристроить» еще четыре тысячи на другое предприятие.

В конечном итоге дивизион получил 20 тысяч комплектов детской дорожной защитной одежды — береты и воротнички.

А через неделю все водители Кишинева, издали заvidia светящиеся береты на улице или перекрестке, машинально сбавляли скорость. У них начал выработываться, а потом уже и просто закрепился рефлекс: осторожно, дети!

С четвертого класса бойцы дивизиона учатся приемам самообороны. Проводит занятия тренер по каратэ средней специальной школы милиции Александр Сергеевич Куцевичский. Первое требование — ни одного занятия, пропущенного без уважительной причины.

Авторитет Александра Сергеевича непререкаем. Пасть в эту секцию — дело чести для большинства бойцов дивизиона. Но физические нагрузки большие, рассчитаны на крепких, здоровых детей, и в процессе занятий происходит естественный отсев. Последствия его тренеру известны: приходят родители — негодующие, умоляющие, просящие: «Для моего сына это просто личная трагедия. Примите обратно».

...Перед началом занятий и во время тренировок Александр Сергеевич и Михаил Александрович, наблюдая за детьми, успевают обменяться мнением по поводу новичков.

— Думаю, что должны остаться процентов семьдесят, — говорит тренер. — Остальных надо перевести в другие секции.

— Как Андрей?

— Андрея оставлю. Мне знаете что кажется: он когда-то был кем-то обижен. Может, избили его ребята постарше или группа сверстников. Физически здоров, а вот не может переломить в себе страх, даже когда на тренировке заставляю его выйти один на один. Трусит, по спине вижу. Но он хочет перестать бояться.

— Наташа?

— Иконникова принесла справку врача: заниматься в секции может. Но здесь есть предел. Как

только освоит основные приемы, закрепит их — хватит. Как и для всех девочек, впрочем.

— Никита Миронюк пропустил занятие: его вызвали на киносъемку. Умолял поговорить с вами. На первый раз, думаю, простить можно...

Один из уроков, который дети получают здесь: мир не ограничен только школой, продленкой, семьей, кружком художественной самодеятельности. Мир объемный, противоречив, в нем тесно переплетены добро и зло, и добро «должно быть с кулаками». Будьте готовы к любым неожиданностям...

Михаил Александрович прерывает свой рассказ, зажигает подсветку цветных слайдов. На одном из снимков — крепкая, среднего роста девочка на занятиях по самбо. Предельно сосредоточенное лицо — ей надо показать прием захвата. Рядом на первом плане еще одна пара, но уже в динамике: выбитый девочкой нож летит в сторону, партнер падает.

Однажды все так и случилось...

Шура Уманец, как обычно, вышла на пост на оживленную трассу проспекта Ленина. Вдруг от пестрой толпы стремительно отделился мужчина и побежал наперерез транспорту. Свисток! Мужчина ускорил шаги и почти достиг противоположной стороны улицы. Шура остановила движение и бросилась за ним. Мужчина, с ненавистью взглянув на

девочку, сунул руку в карман. Расстояние между ними сократилось. Блеснул в руке нож. Дальше все произошло молниеносно. Доля секунды — и отлетевший нож ударился в стенку бордюра. Но этого никто не заметил. Прохожие смотрели на мужчину, снопом рухнувшего на землю...

Когда личность этого человека была установлена, Шуру поздравляли и товарищи и опытные работники милиции: задержанный ею был особо опасный преступник, давно уже разыскиваемый работниками МВД.

...Михаил Александрович еще раз взглянул на сосредоточенное лицо Шуры и выключил подсветку:

— Конечно, это случай уникальный в практике «снегирей». Но подтвердивший еще раз правильность мысли: надо готовить детей ко всему и именно в школьную эпоху их жизни, когда ребенок формируется как активная личность.

Одна из обязательных дисциплин, которую проходят «снегири», — оказание первой доврачебной помощи, медицинский ликбез.

Но вначале, перед четырнадцатью часами теоретических занятий, — вводная лекция.

— Когда вы стоите на посту, то чаще, чем когда-либо, можете оказаться свидетелями несчастного случая. Вот, кстати, помните, один произошел на наших глазах — у водителя отказали тормоза. Повернув, он съехал с проезжей части улицы и врезался прямо в стену нашего штаба. Что за этим последовало? Собралась толпа, все кричат, охают, побежали звонить, а помочь человеку не смог никто.

Что в этом случае делаете вы? Связываетесь по радиации с ГАИ, вызываете «Скорую помощь». Это уже много, но далеко не все, что в ваших возможностях. Вы должны уметь оказать пострадавшему первую доврачебную помощь.

После теоретических занятий для бойцов дивизиона наступает время практики. Они проходят ее в отделениях «Скорой помощи» и в травматологической больнице.

Отправляясь на пост, бойцы дивизиона берут с собой не только жезл, но и небольшую аптечку: ведь они стоят рядом с зоной повышенной опасно-

сти — главной транспортной артерией города. Мало ли что... Бинт, вата, зеленка, йод, жгут — можно идти на пост.

Вячеслав Варзарь и Света Липинская дежурили на улице Ирины Польской. На их глазах произошло столкновение мопеда, на котором ехали двое, с машиной. Автомобиль быстро меняет курс и скрывается. На голове одного из лежащих на земле мужчин — рваная рана. Другой стонет от боли, придерживая правую руку.

Слава сорвал с плеча аптечку, скрутил валик и, быстро наложив его на разорванный сосуд на лбу, перекрыл кровотечение и перебинтовал голову. Света в это время занималась вторым — накладывала шину, предположив закрытый перелом. Фанеры или досок под рукой не оказалось, пришлось довольствоваться толстой веткой. Подъехала машина «Скорой помощи». Врач, осмотрев больных, сказал ребятам в синих шинелях:

— Ну что ж, коллеги, все сделано грамотно. Мне остается ограничиться только транспортировкой, остальную помощь вашим пациентам окажем уже в больнице.

...И снова учеба, тренировки.

— Саша, — обращается Михаил Александрович к Саше Казаку. — Представь, что ты — пострадавший. У тебя, скажем, открытый перелом руки. Кто окажет первую помощь?

ОКТАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ГОРОД В ОКЕАНЕ

В наше время, когда население земного шара уже насчитывает 4,5 миллиарда человек и продолжает стремительно расти, идея строительства городов, «плавающих» на просторах Мирового океана, городов, в которых предполагается создать все необходимые условия для проживания людей, представляется интересной. Авторами одного такого проекта являются архитекторы Хью Бурже и Кисори Кисутахи. Они предлагают возводить «плавающие» города в пять и шесть ярусов. Такая планировка дает определенные преимущества, так как производственные (склады, трансформаторные подстанции, заводы-автоматы и т.д.) будут размещаться в нижнем ярусе.

В «плавающем» городе все должно быть компактно и продумано до мелочей. Авторы проекта видят городскую площадку в виде диска. Это удобно для жителей: радиус от центра до окраины «плавающего» города не превышает 10 минут ходьбы. На относительно небольшой площади предполагается разместить жилые помещения, производственные предприятия и учреждения, медицинский пункт, школу, книжный магазин, спортивные площадки и плавательные бассейны, здания те-

атра и кинотеатра и т.д. Транспортное сообщение на острове осуществляется как не имеющее практического значения. Суда на воздушной подушке, на подводных крыльях, подводные лодки и самолеты с вертикальным взлетом, а также другие транспортные средства будут использоваться только для связи с континентом. Один «плавающий» жилой массив рассчитан на 15 тысяч человек. Остров будет удерживаться на крупноразмерных понтонах, которые обеспечат ему плавучесть.

На строительство «плавающего» города потребуются значительные средства, однако стоимость квадратного метра жилой площади все же несколько ниже в сравнении со стоимостью «квадратов» жилья в центре какого-либо перенаселенного города на континенте. Первоначально, с целью отработки оптимального варианта, будущие «плавающие» острова послужат базой для океанографических исследований, морской фермой, рабочим поселком рыбаков и нефтяников. Заманчивым представляется и их использование в качестве городов-ярмарок и городов-выставок.

«ШТИИИЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

ФРГ:

МИЛЛИОН НЕГРАМОТНЫХ

По мнению экспертов, в ФРГ сейчас около миллиона неграмотных. Причем этот миллион составляют вовсе не иностранные рабочие. Речь идет о немцах, которые родились и живут в Федеративной республике.

Гансу-Юргену Швабе сейчас 39 лет. В 1946 году, когда он начал ходить в школу, учитель относился хорошо только к тем детям, которые приносили ему масло, ветчину и яйца. Но в семье Ганса-Юргена не было излишков продуктов, сам мальчик часто недоедал, и учитель не обращал на него внимания. Ганс-Юрген так и не научился читать и писать. Во время экономического бума, когда рабочих дух не хватало, никто не спрашивал, грамотен ли он. Но когда началась безработица, все двери оказались закрытыми перед неграмотными. Остался без работы и Ганс-Юрген. Сейчас он с болями пытается самостоятельно освоить грамоту...

Норберт Шобер из Штаффельштайна также остался неграмотным. Учитель его, перегруженный работой, был убежден, что Норберт все равно ничему не научится, и освободил его от письменных заданий. А когда пришел новый учитель, было уже поздно: Норберт не был в состоянии завершить упу-

щенное. В отличие от более взрослых неграмотных, которым в свое время удалось найти работу, молодой Норберт (ему сейчас 24 года) не имеет никаких шансов быть принятым куда-либо...

Курсы по обучению чтению и письму имеются только в нескольких городах — Бремене, Бремерхафене и Мюнхене. Если взрослый неграмотный решится записаться на эти курсы, то прежде всего ему следует набраться смелости, потому что не всегда он встретит сочувствие и понимание. Неграмотный не может читать объявления, газеты, ему приходится расспрашивать других людей, где эти курсы, каковы условия, сколько стоит обучение. Хуже всего, что курсы для обучения грамоте, которых и без того очень мало, — исключительно дело частной инициативы. Государство не хочет выделять деньги на ликвидацию безграмотности, потому что официально... «в Федеративной республике нет неграмотных!»

Сейчас лишь несколько сотен человек посещают курсы для обучения грамоте. Остальные не могут написать даже две строчки протеста: они — немое, безгласное меньшинство.

«ЦАЙТ-МАГАЗИН», ФРГ

ШКОЛА УБИЙЦ

Высокий, охраняемый электронной системой и сворой собак забор отделяет участок земли размером в 32 гектара в поселке Паудер Спрингс (штат Джорджия) от окружающего мира. За забором раздаются стрельба из автоматов и крупнокалиберных винтовок. В доме, который стоит посреди участка, сверкают ножи и ювелиры, инструкторы обучают молодых людей приемам каратэ. В столовой у камина сидит шеф и объясняет, как обращаться с новой «игрушкой»: дипломатическим чемоданчиком, который может стрелять, а при попытке неправильно открыть его взрывается...

Все это сцены не из дешевого фильма об агенте 007, а из жизни: в школе полковника Вербелла будущие наемники и телохранители учатся убивать — всеми способами, быстро и наверняка. Школа, которая ведется как солидное коммерческое предприятие, организует в каждом полугодии десять двухнедельных курсов, обучение ведут пятнадцать инструкторов, среди них — ряд «обстрелянных ветеранов» вьетнамской войны. Несмотря на относительно высокую плату за обучение — 2500 долларов за одного человека, места на курсах распродаются надолго вперед.

Для зачисления на курсы имеет силу лишь одно условие: антикоммунистические убеждения. Ничто другое владельца школы не интересует. Полковник Митчелл Ливингстон Вербелл имеет богатый опыт, накопленный за годы работы в американских секретных службах. Свою карьеру в них он начал еще во вторую мировую войну, и после ее окончания его можно было встретить едва ли не всюду, где американские тайные службы организовывали государственные перевороты, реакционные мятежи, осуществляли саботаж. Его приятели и сегодня занимают высокие должности в ЦРУ, но Вербелл отдал предпочтение доходному частному предпринятию — школе убийц. При этом он не скрывает, что охотно готов принять снова правительственное задание. Если будет нужно, заявляет Вербелл, например, он «навел бы порядок» в Сальвадоре всего с пятьюдесятью воспитанниками своей школы.

Приятели из секретных служб не оставляют Вербелла и тогда, когда он попадает в затруднительное положение. Дважды предстал полковник перед судом и каждый раз избежал наказания: первый раз, когда был обвинен в заговоре, потому что готовил вторжение на Гаити, чтобы оттуда с кубинскими эмигрантами «освободить» Кубу; второй раз, когда был замешан в контрабандном ввозе марихуаны. В 1973 году, когда Багамские острова получили независимость, он намеревался отторгнуть с помощью нескольких местных продажных политиков остров Абако с 7000 жителей и стать его президентом. С этой целью он обучил небольшую частную армию, подготовил даже «декларацию» о провозглашении независимости. Однако честолюбивый план не был осуществлен: партнеры не сумели договориться об условиях сделки.

Хотя полковник Вербелл любит носить килт — шотландскую юбку, — он считает себя стопроцентным американцем. И уж, конечно, никак не фашистом...

«ЦО ВАС ЗАЙМА»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ТЕХНИКА ЕСТЬ, МУЗЫКИ НЕТ...

Некий состоятельный пенсионер, живущий в одном из пригородных районов Токио, заполнил свой дом стереофонической аппаратурой, израсходовав несколько десятков тысяч долларов. Две комнаты его дома оборудованы под колонки: в их стены встроены исполняющие размеры динамики, а сами они играют роль резонансных камер (в обычных колонках для этого служит обшивка). Полки, которыми он застроил все остальные комнаты, гнутся под тяжестью магнитофонов и усилителей, соединенных между собой так, что из комнаты, находящейся на втором этаже, он может послать сигнал в помещение, расположенное в подвале. Оттуда полученный звук, запи-

санный специальным, дистанционно управляемым магнитофоном, передается ооратно наверх, где снова записывается. И как же счастлив бывает хозяин, когда, исследовав многократно отраженный сигнал, убеждается, что тот не претерпел по дороге ни малейшего искажения!

Надо добавить, что этот любитель чистого звука музыку... вообще не записывает. Чтоб полностью насладиться техническим совершенством своих сокровищ, он пишет лишь специальные, выпускаемые генератором сигналы — шумы и пики различной частоты. На музыку не отвлекает ни времени, ни интереса...

«КОБЕТА И ЖИЦЕ», ПОЛЬША

В «закрытом мире» Грейси и Джинни

«Кабанто падем манибаду питу», — говорит Грейси.

«Доан им бада тенгмат», — отвечает Джинни.

Язык, на котором разговаривают восьмилетние Грейси и Вирджиния Кеннеди, уникален. На нем говорят только они, и никто не понимает его. По звучанию он напоминает щебетание птиц. Более года сотрудники Центра по изучению слуха и разговорной речи при Калифорнской детской больнице в Сан-Диего пытаются найти ключ к миру Грейси и Джинни. Ученые стремятся определить значение этих странных звуков, так как стало ясно, что они действительно имеют смысл. Какие, однако, обстоятельства в жизни этих голубоглазых, светловолосых девочек способствовали созданию собственного языка? Почему они не начали говорить по-английски, как их родители, или по-немецки, как их бабушка, на попечении которой они оставались целыми днями?

Когда в 1970 году родились девочки-близнецы, родители Томас и Кристина Кеннеди оставили их спать в одной кровати. Еще в первый день жизни у Вирджинии был припадок с судорогами, а на следующий день то же случилось и с Грейси. Анализы, проведенные врачами, не открыли каких-либо отклонений, но припадки повторились первые шесть месяцев. Когда близнецам исполнилось по году, им были сделаны энцефалограммы, чтобы проверить, не поврежден ли мозг. Исследования не показали никаких отклонений.

Жесты или несколько несвязных слов были основным способом общения Грейси и Джинни. Они понимали своих родителей, когда те

говорили по-английски, но сами довольствовались всего лишь несколькими словами. Когда девочек оставили одних, они оживались и играли словами, болтая непрерывно. «Грейси и Джинни говорили очень быстро», — продолжает Кристина, — но Том и я считали их разговор бессмысленным детским лепетом. Никогда не подозревали, что их разговор является формой общения и они понимают друг друга».

Только когда детям исполнилось шесть лет, судруги обратились за помощью к лингвистам. Очень быстро ученые определили, что речь девочек является разновидностью «языка близнецов». Это явление возникает, когда близнецы или дети одних и тех же родителей с очень маленькой разницей в возрасте создают свой собственный язык. Девочки говорят так быстро, что транскрибировать их слова очень трудно, но ученые считают, что усилия вознаграждены сторицей, так как надеются получить наиболее полный материал, какой собирали когда-либо о речи близнецов.

Тем временем близнецы значительно пополнили свой словарь и успешно овладевают английской грамматикой в школе. Они учатся в параллельных классах, что заставляет их больше общаться с другими детьми. Грейси и Джинни не говорят на своем языке с другими людьми и, когда кто-то пытается им подражать, девочки замыкаются в себе. Может быть, пройдет несколько лет, и они расскажут, о чем они говорили между собой.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ»,
США

КУ-КЛУКС-КЛАН В ИЗРАИЛЕ

«Хотя мы и не носим капюшонов, мы преследуем те же цели, что и наши братья в Соединенных Штатах», — так высказался недавно один из членов правозащитной организации «Лига защиты евреев». «Братья» — это члены американского ку-клукс-клана.

Израильский ку-клукс-клан, которым руководит неизвестный Мейр Кахане, не только хорошо вооружен, но и располагает большими финансовыми средствами, которые получает совершенно открыто от властей Тель-Авива и из США.

«Лига защиты евреев», разумеется, категорически против возврата арабских земель, захваченных в 1967 году. Она проповедует лозунг: «Все средства хороши во имя Великого Израиля». Поэтому первоочередной своей задачей «лига» счита-

ет дальнейшее беспощадное изгнание арабов с их земель. Ее члены наиболее активны на оккупированных территориях к Западу от реки Иордан, особенно в городе Хеброне. Вооруженные до зубов, они патрулируют улицы и нередко «для острастки» открывают пальбу по мирным арабским жителям. Оккупационные власти не препятствуют разгуду сионистов. Они остаются безучастными, когда молодчики из «лиги» нападают на гостетали, уничтожают виноградники, чтобы вынудить арабов покинуть родные места.

На снимке, сделанном в Тель-Авиве, вы видите очередную работу молодчиков из «лиги» — написанный на стене лозунг: «Арабов — в газовые камеры»...

«НБИ», ГДР

«ТАРЗАНУ» ПЯТЬ ЛЕТ...

Единственным словом, который появился на свет в Швейцарии, является Сахиб. Сейчас ему уже семнадцать лет, и весит он 3,3 тонны. Сахиб выступает в цирке со своим «укротителем» Луи Климидином. Луи в отличие от Сахиба исполнилось всего... пять лет.

При выступлениях на манеже

Сахиб послушно выполняет приказы маленького «Тарзана», берет его на хобот, позволяет показывать различные акробатические номера у себя на голове и спине. Излишне говорить, что иный дрессировщик и его могучий друг пользуются огромным успехом у публики.

«ЖИВОТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

МОНОКЛЬ ШЕРЛОКА ХОЛМСА — С АУКЦИОНА

На знаменитом лондонском аукционе Сосеба были проданы предметы, которых, собственно говоря... не существует. 11 тысяч фунтов стерлингов принесли одежда и личные вещи, принадлежавшие Шерлоку Холмсу. Да, не реальному человеку, а литературному герою, созданному воображением писателя. В числе вещей, в связи с которыми поднимался в воздух и со стуком опускался молоток аукционера, монокль Шерлока Холмса, его халат и стик.

Представьте себе, все это действительно имеет самое прямое от-

ношение к великому детективу: дело в том, что этими предметами пользовался как реквизитом художник Сидней Пажа, первый иллюстратор историй о Холмсе. Была среди проданных достопримечательностей и шкатулка для сигарет «с собственноручно выгравированным посвящением от Шерлока Холмса» — за нее новый владелец уплатил 1190 фунтов. Речь идет о свадебном подарке Артура Конан-Дойла иллюстратору...

«ЭНТЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Рисунок
Александра ПАШКОВА

Рисунок
Евгения МИЛУТКИ

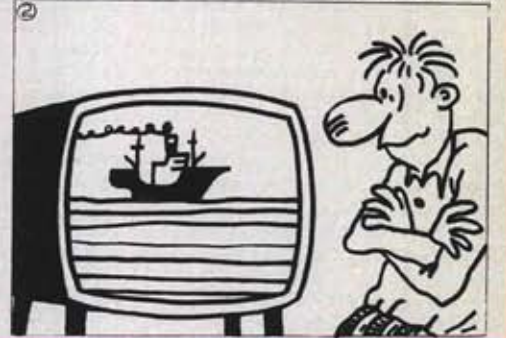

Рисунок
Анатолия ОРЕХОВА

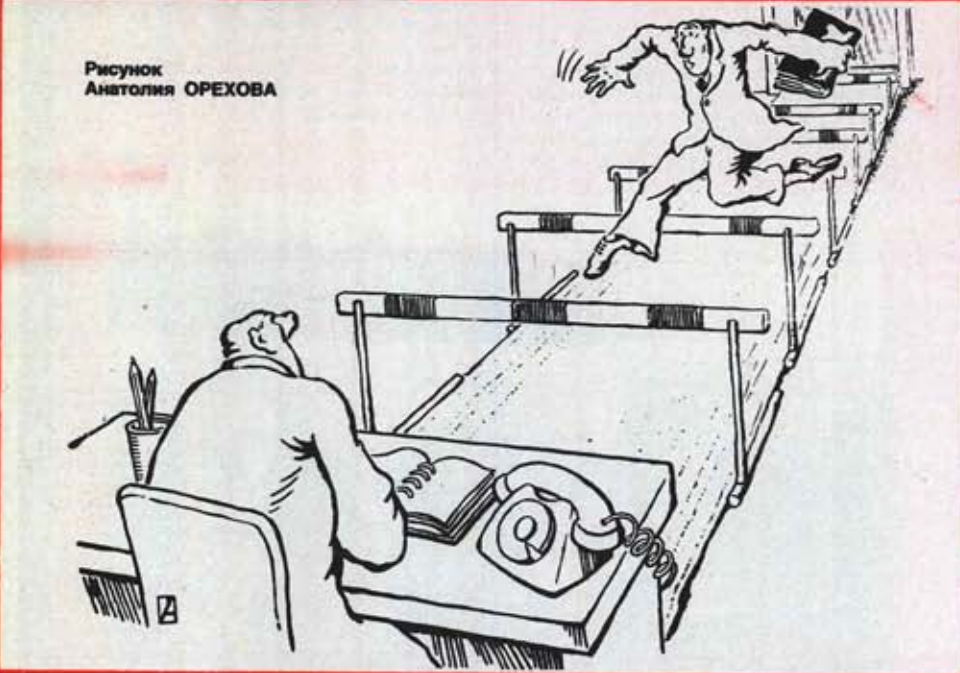

Рисунок
Сергея КЛЕМАШЕВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР **Виктора ЛЮБЛИНСКОГО** **ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ**

КОНКУРС «СМЕНА-80»

(Продолжение.
Начало см. в №12—19
журнала.)

**ДЕВЯТЫЙ ТУР
XVI**

Белые начинают. Во сколько ходов они дают мат черному королю? /3 очка/.

Запомните, пожалуйста, что открытку с ответом на задание девятого тура следует посылать в адрес редакции в период с 1 по 31 декабря 1980 года.

Перед вами позиция, сложившаяся после 15-го хода черных в партии, которую играл с французом Морисом Пра в сеансе одновременной игры в Париже в 1913 году великий русский шахматист Александр Алехин, впоследствии ставший четвертым в истории чемпионом мира.

Штурм бастионов неприятельского короля Алехин, игравший белыми, начинает с элегантной жертвы коня.

16. Кe5:f7! Kpg8:f7 17. e4-e5 Ke7-g8 18. Ca3-d6 Фc7-c8 19. Фc2-e2 b7-b5 20. Cc4-b3 a7-a5 21. Ld1-e1! a5-a4.

Здесь белые объявили форсированный мат в десять (!) ходов. Открывается заключительная атака на черного короля неожиданной и очень эффектной жертвой ферзя.

22. Фe2-h5x!! Kf6:h5 23. f5:e6+ Kpf7-g6 24. Cb3-c2+ Kpg6-g5 25. Lf1-f5+ Kpg5-g6 26. Lf5-f6+! Kpg6-g5 27. Lf6-g6+ Kpg5-h4 28. Le1-e4+ Kh5-f4 29. Le4:f4+

Kph4-h5 30. g2-g3! с неотвратимой угрозой 31. Lf4-h4x.

К этому положению пришла после 9-го хода черных партия финала чемпионата Москвы по молниеносной игре 1980 года между юным кандидатом в мастера Игорем Глеком (у него были белые фигуры) и мастером спорта Анатолием Донченко.

Красивой жертвой слона белые начинают опасное пешечно-фигурное наступление на потерявшего право рокировки и укрывающегося на ферзевом флажке короля противника.

10. Cb3-d5! e6:d5 11. e4:d5+ Кре8-d7 12. b2-b4! Kc5-a4 13. Kc3:a4 b5:a4 14. c2-c4 Cc8-b7 15. Фd1:a4+ Kpd7-c7 16. Cc1-f4 Фd8-d7 17. Фа4-a5+ Kpc7-b8.

Теперь белые смело жертвуют две пешки, умело вскрывая линии для прямой атаки на короля.

18. c4-c5! Kf6:d5 19. c5-c6! Cb7:c6 20. Kd4:c6+ Фd7:c6 21. La1-c1 Фc6-b5 22. Фа5-d8+ Kpb8-b7 23. Фd8-h4 La8-e8 24. Le1-d1!

Белые резонно отклоняют размен ладей, выгодный обороняющейся стороне, и быстро нагнетают угрозы.

24. ...Kd5:f4 25. Фh4:f4 Фb5-e5 26. Фf4:f7+ Cf8-e7 27. Ld1-e1 Фe5-f6 28. Фf7-d5+ Kpb7-a7 29. Lc1-c7+, и в преддверии неотвратимого мата черные сдались.

На этой диаграмме вы видите позицию, возникшую после 18-го хода черных в партии блицтурнира между кандидатами в мастера юным Сергеем Константиновым (он играл белыми) и Александром Дроновым.

Интересно проследить, как четко и последовательно белые наращивают давление и в конце концов пленяют черного ферзя. Концовка партии доставляет подлинно эстетическое удовлетворение.

19. h3:g4 Cc8:g4 20. Фe2-g2 Фd8-e8 21. Kf3-h4! Kf6-h7 22. Kh4-f5 Cg4:f5 23. e4:f5 Kh5-f6 24. Kd2-e4! Kf6:e4 25. Cd3:e4 Kh7-g5 26. Cb2-cl Kg5:e4 27. Фg2:e4 Фe8-f7 28. g3-g4 Фf7-f6 29. Lh1-h5! Kpg8-f7 30. g4-g5 h6:g5 31. Cc1:g5, и черные капитулировали.

ХОТЯ И МОЛНИЕНОСНО...

Каждому любителю шахмат понятно, сколько усилий и времени на обдумывание требуется для того, чтобы найти в процессе игры интересную, нестандартную идею, осуществить свой замысел и преодолеть сопротивление соперника. Поэтому многие довольно критически относятся к жанру, ска-

жем, сеанса одновременной игры или блицтурнира. А между тем и в сеансовых и в молниеносных партиях, где противникам предоставлены считанные минуты, а нередко даже секунды, создаются подчас шедевры шахматного творчества. Дабы проиллюстрировать сказанное, предлагаем читателям «Смены» несколько запоминающихся партий.

Музыка Георгия МОВСЕСЯНА
Стихи Виктора ГИНА

Двадцатые годы над миром летели,
Разруха и голод в глаза нам глядели,
Лихие тачанки нас в бой уносили —
Легенды расскажут,
какими мы были.

В огне не горели, в воде не тонули,
А время настало — под пули шагнули.
Нас в песнях воспели и в бронзе отлили —
Легенды расскажут, какими мы были.

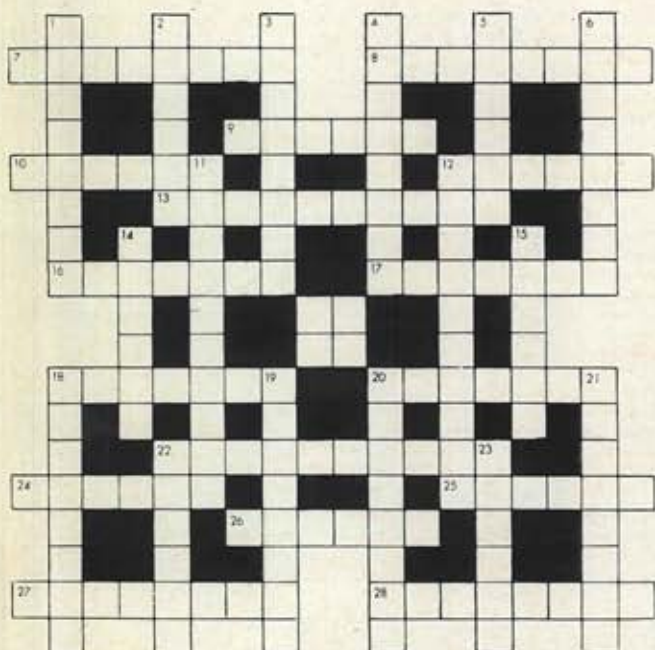
ЛЕГЕНДЫ РАССКАЖУТ

Припев:
Нам счастье досталось
не с миру по нитке,
Оно из Кузбасса,
оно из Магнитки.
Целинные земли и космос далекий —
Все это из нашей Истории строки.

Припев.
Как прежде, мы лица от ветра не прячем,
Сердца проверяем мы в деле горячем,
Как прежде, мы тверже гранита и стали —
Легенды расскажут, какими мы стали.
Припев.

К Р О С С В О Р Д

Составил Б. ФИЛИНОВ,
Москва

По горизонтали:

7. Стихотворение В. В. Маяковского. 8. Композитор, основоположник новой испанской музыки. 9. Антилопа, обитающая в Африке и Азии. 10. Машина для обработки металла, древесины, камня. 12. Суждение, официальное заключение, решение. 13. Основная база советских экспедиций в Антарктиде. 16. Рассказ А. П. Чехова. 17. Технологический процесс обработки металлов. 18. Комсомолка-молодогвардейка, Герой Советского Союза. 20. Живописец, график, скульптор, Герой Социалистического Труда. 22. Спортсмен, достигший высших результатов в состязании. 24. Мастер по ковке металла. 25. Повторение стихотворных строк. 26. Жанр камерной музыки. 27. Украинская певица, народная артистка СССР. 28. Элементарная частица.

По вертикали:

1. Один из типов запоминающих и логических элементов в вычислительной технике. 2. Драма Б. А. Лавренева. 3. Женщина-скульптор, народный художник СССР. 4. Овощное растение. 5. Плодовое дерево. 6. Река в Ленинградской области. 11. Остров архипелага Северная Земля. 12. Специалист по геодезическим и геологическим изучениям горных выработок. 14. Болгарский космонавт. 15. Спортсмен, бегун на длинные дистанции. 18. Северная ягода. 19. Судно с ядерной силовой установкой. 20. Русская мера земельных площадей. 21. Организатор первой женской тракторной бригады, дважды Герой Социалистического Труда. 22. Бас, народный артист СССР. 23. Молодой гуслиар в опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко».

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 19

По горизонтали:

7. Бревно. 8. Колчин. 9. Палитра. 11. Скарцо. 12. Нептун. 13. «Вратарь». 16. Манго. 18. Барий. 19. Созвездие. 20. Ботвинник. 21. «Уголь». 24. Ареал. 27. Баженов. 29. Фреска. 30. Асбест. 31. Горький. 32. Лансье. 33. Данила.

По вертикали:

1. Кряква. 2. Творог. 3. Попов. 4. Сканы. 5. Шлюпка. 6. «Жигули». 10. Истребитель. 14. Розетка. 15. Руденко. 17. Особь. 18. Белка. 22. Гармаш. 23. Лосось. 25. Рубенс. 26. Ассоль. 27. Багет. 28. Вайда.

ПЕРЕКРЕСТОК

«СНЕГИРЕЙ»

Начало
на 28-й стр.

Вызывается Наташа Баскова. Она накладывает жгут выше отмеченного уровня раны, затем бинт и вопросительно смотрит на ребят: все ли правильно?

— Забыла, — шепчут ей. — Записку надо положить, написать время, когда был наложен жгут. А то может наступить омертвление тканей, если переждать...

— Еще раз повторим. Теперь жгут накладывает Галина. Да перестаньте улыбаться, пострадавший. Вы мешаете работать!

А «пострадавший» уже просто умирает от хохота: ему щекотно...

Про эту организацию, в которой триста «снегирей» и один робот, часто говорят: «экспериментальная». Она действительно единственная в своем роде, но поскольку существует уже девять лет, то можно подвести кое-какие итоги.

Скажем, определить задачи ее можно и так: попытка по-новому организовать внеклассное воспитание школьников, помочь вечно занятым родителям в становлении их ребенка силами заинтересованной общественности; профилактика, направленная против «своеобразного» развития личности,

читают лекции, организуют походы в свое свободное время, часто после нелегкого трудового дня. Как удалось на общественных началах так поставить дело?

— Искали людей неравнодушных, — рассказывает Михаил Александрович Рупа. — Людей, у которых болит душа при виде подвыпившего подростка или компании, бесцельно прожигающей время, и которые не раз спрашивали себя: как помочь ребятам проводить досуг с пользой, интересно. Таких людей немало... Нам активно помогают председатель горисполкома Николай Иванович Узун и его заместитель Клавдия Петровна Журавлева.

Но есть проблемы в работе кишиневского дивизиона юных помощников милиции, которые не разрешить энтузиазмом Рупы и его сподвижников и даже энергичной помощью горисполкома. Правильно ли организован здесь процесс воспитания, который определяет человек, горячо любящий детей, но не педагог? Не слишком ли перегружено детское восприятие негативностью событий, которые могут случиться: травмами, авариями, нападениями? Или «негативность» компенсируется совместными выступлениями в своем ансамбле «Кишиневские сне-
«ЗДЕСЬ ПЕРЕХОД ЗАПРЕЩЕН!»

**ОДНА ИЗ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН,
КОТОРУЮ ПРОХОДЯТ «СНЕГИРИ», —
ОКАЗАНИЕ ПЕРВОЙ
ДОВРАЧЕБНОЙ ПОМОЩИ.**

гири», загородными походами, занятиями с животными в секциях собаководства и конного спорта?

Или, к примеру, такой вопрос: почему в дивизион принимают только хороших учеников, только с благоприятными характеристиками? Нет ли в этом неосознанного желания отгородиться от проблемы «трудных» подростков?

Организатор начинания отвечает на этот вопрос отрицательно и логично объясняет причины: «Людей, которые ведут занятия с детьми, не так уж много, и возможности их ограничены. Им целесообразнее заниматься с детьми, которые успешно учатся в школе, так как одна из заповедей дивизиона: главное в твоей жизни — учеба, потом уже мы. У этих (скажем, хороших) детей с устойчивыми склонностями к труду, к добру надо выковывать активную жизненную позицию, на них и следует делать ставку. В дальнейшем именно из них мы будем формировать отряды школьной милиции — есть и такая задумка у штаба. «Трудные» (пока) — за пределами наших возможностей...»

Вероятно, возможностей станет больше, если будет больше помощников у Рупы. А среди них — опытных, квалифицированных педагогов: Ну, а пока вернемся к «снегириям», к их будням, их службе. Заглянем в штаб...

Эдик Венгер привел нарушителей правил дорожного движения, своих сверстников — Сашу Логаева и Сережу Дмитриенко. Записали, где живут, как зовут родителей. С ребятами побеседуют, покажут фильм о том, к каким последствиям приводит ложное желание покрасоваться: вот сейчас я проскочу прямо перед носом у водителя. А родителям сообщат: нужно принять меры, чтобы их дети перестали бравировать.

А пока они могут идти. Но не уходят ни Саша, ни Сережа, оглядываются по сторонам, интересно им все здесь.

Аня Венедиктова поставила чай: скоро возвратятся «снегири» со второго поста. Ей помогает Игорь Цуркан. Он пока не дежурит на улице по ряду веских причин: недавно вступил в отряд, не прошел техминимума, не сшита еще для него форма... Он пока «комнатный» боец.

День как день. Пройдет совсем немного времени, когда, надев новенькую форму и взяв жезл, Игорь тоже отправится на пост. Поправив на Игоре пояс или аксельбанты, Михаил Александрович, как обычно, скажет ему:

— Ты смотри, чтобы был порядок. Чтобы в городе было спокойно...

И юный регулировщик встанет на перекрестке шумной улицы. На том перекрестке, где детская игра органично переходит во взрослую жизнь.

**С ЧЕТВЕРТОГО КЛАССА
БОЙЦЫ ДИВИЗИОНА УЧАТСЯ
ПРИЕМАМ САМООБОРОНЫ.**

НАРЯД ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ДЕЖУРСТВО.

когда предоставленный самому себе подросток выходит из дома, не имея понятия, чем бы заняться.

Но как ни назови это начинание кишиневцев — попыткой, экспериментом, к нему необходимо отнестись самым серьезным образом и помогать по-умному, по-деловому, так как речь идет об одном из самых трудных умений — умении воспитать человека. И здесь самое широкое поле деятельности для педагогов, пионервожатых, комсомола. Ведь триста школьников, входящих в эту детскую организацию, — это очень много для одного Михаила Александровича Рупы, но очень мало для города Кишинева.

Эта детская организация существует на общественных началах. И Михаил Александрович Рупа, и тренеры, и лекторы — все они ведут занятия,

